

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Подруга
особого назначения

Татьяна Устинова

Подруга особого назначения

«ЭКСМО»

2002

Устинова Т. В.

Подруга особого назначения / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2002

Одиноко и бедно жила немолодая девушка Варвара Лаптева. Казалось, все, что только есть в жизни хорошего, обошло ее стороной. Начальство на работе считало ее непроходимой душой, да и сама Варвара махнула на себя рукой. Но, видимо, не до конца... Череда странных событий выбивает ее из привычного рутинного течения жизни. В кабинете начальника вдруг умирает посетитель. Варвара – первый человек, который увидел его мертвым. В это же самое время из кабинета исчезает пластиковая карта, на которой лежит ни много ни мало – полмиллиона швейцарских франков! И Варвару начинают преследовать неизвестные, уверенные в том, что именно она похитила эти деньги. Разумеется, она непричастна. Но тогда кто?..

© Устинова Т. В., 2002

© Эксмо, 2002

Татьяна Витальевна Устинова

Подруга особого назначения

*Под этой скромной надписью в могиле
Спит вечным сном покойный Джексон Вилли.
Признаться, Джексоном назывался он,
Но не рифмуется с «могилой» имя Джон.*

Неизвестный английский автор (перевод С.Я. Маршака)

В конце концов она чуть не попала под машину.

– Бабка, смотри, куда прешь, если не хочешь в ящик сыграть! – обидно закричал выскочивший из машины водитель. Даже шагу не сделал, чтобы посмотреть, что там с ней такое.

Ничего такого с ней не было. Сегодня на ее глазах погиб человек, и она подозревала, что его убили, только и всего.

– Ну! Чего сидишь, вставай! Ты можешь или не можешь, бабка?!

И опять ни шагу к ней.

Кое-как она перевалилась на колени, отползла к обочине и поднялась, держась двумя руками за гору плотного грязного снега. Вся улица смотрела, как она ковыряется, как пытается отряхнуть пальто, как растерянно озирается по сторонам в поисках сумки, которая отлетела неизвестно куда.

Сумки не было.

– Ну чего? Идти-то можешь?

Коленка сильно болела, наверное, Варвара ударилась об асфальт, когда падала. Она нагнулась и попыталась рассмотреть, что там с коленкой, но ничего не увидела.

Господи, а сумка-то!

Неистово сигналили машины – прогоняли ту, которая наехала на Варвару. Она стояла посреди улицы, загораживала проезд. Любопытный и сердобольный водитель, так вежливо выяснявший, все ли с ней порядке, захлопнул дверь и тронул машину с места.

Варвара из-под съехавшего платка проводила его испепеляющим взглядом.

Наплевать ему на твои взгляды, дорогая. Еще очень повезло, что он тебя, во-первых, до смерти не убил, а во-вторых, по физиономии не дал за то, что представляла угрозу для его драгоценной машины, да еще заставила остановиться, терять время, вопросы тебе задавать!..

Да где же сумка?!

Варвара переступила ногами, словно пробуя их на прочность, и тут проклятая машина опять оказалась прямо перед ее носом. Она даже отшатнулась немного, уверенная, что теперь-то ее непременно задавят.

Распахнулась задняя дверь.

– Бабушка, – душевно сказали из салона, – давайте я вас подвезу куда-нибудь. Или, может быть, в больницу?

– Спасибо, не надо, – пробормотала Варвара, усердно отряхивая пальто.

– Давайте все-таки.

– Я же сказала, не надо, – повторила она с нажимом. – Со мной все в порядке.

Тут она увидела свою сумку – далеко, под самой стеной дома – и радостно заковыляла к ней, как будто сумка могла оградить и спасти ее от всех сегодняшних неприятностей.

Сейчас она поднимет ее и пойдет себе потихоньку домой, закроет за собой дверь, влезет в ванну и будет сидеть в горячей воде столько, сколько захочет, и день кончится наконец.

Сумка была пуста. Это было так неожиданно и так ужасно, что Варвара, не поверив себе, перевернула ее и потрясла, ожидая, что на тротуар из непривычно худого сумкиного нутра сейчас вывалятся паспорт, кошелек, очки, пухлый романчик, записная книжка школьных времен с шикарным тиснением – серп и молот – на обложке.

«Дима К.» было почему-то записано там. «Дима К.», «Катя Б.» – и телефон. Почему Б. и К.? Почему не фамилия?

Варвара заглянула в сумку и в свете фонаря увидела только сиротскую подкладку, и больше ничего.

– Что, бабка? – насмешливо спросил у нее над ухом давешний вежливый и аккуратный водитель, – всю пенсию сперли? Надо было смотреть за пенсией-то!

– Надо под колеса смотреть, если за руль сел, – сказала Варвара, не поворачиваясь. Слезы были уже близко, и она часто глотала, чтобы отогнать их. – На дорогу надо смотреть, а не ворон считать и на девчонок пялиться!

– Ух ты!.. – восхитился голос. – Во дает бабка!.. Меня ж еще и кроет!..

– Витя, угомонись.

За ее спиной произошло неясное движение – она загоняла слезы в горло, заглядывала внутрь своей сумки и не оборачивалась, – и кто-то крепко взял ее за локоть.

– Пойдемте.

– Никуда я не пойду!

– Пойдемте. Я довезу вас до дома. У вас же ничего нет – ни денег, ни документов.

При упоминании о деньгах и документах Варваре стало совсем худо. Господи, за что ей такое наказание?! Чем заслужила, чем не угодила?

«Не поминай Господа всуе, – сердито говорила бабушка Настя. Она всегда была в белом платке в мелкую крапушку, с темным и строгим лицом. Варвара ее боялась. – Господь – не соседская коза, его ни за что ни про что не зовут, только уж если очень надо или дело какое важное!...»

– Да не упирайтесь вы! – с досадой сказали сзади. – Садитесь, что вы на самом деле!..

Варвара, подталкиваемая в спину, неловко пролезла в шикарный салон, освещенный теплым светом, и тут обнаружилось, что колготки – ясное дело! – порвались и на обеих коленках зияют ровные круглые дыры, похожие на озера. Грязная белая кожа казалась особенно неприличной в приглушенном салонном свете, и Варвара поспешно прикрыла колени полами пальто.

«Доберусь до дома и утоплюсь в ванне», – решила она.

Одна за другой хлопнули дверцы, и автомобиль поехал.

– Вам куда, бабушка?

– Мне на улицу Тухачевского, – выговорила Варвара.

Полы пальто терли содранную кожу, колени саднило, и было ужасно жалко денег, почти пятьсот рублей. Конечно, с голоду она не умрет, но когда твои деньги крадут на улице какие-то подонки, пока ты ковыряешься в снегу под колесами автомобиля, – очень обидно. Лучше бы в метро вытащили, ей-богу!..

– Что ж вы по сторонам не смотрите, когда улицу переходите? Внимательнее надо быть, особенно по вечерам.

– Да я-то смотрю, – сказала Варвара злым голосом, – это шофер ваш неизвестно куда смотрит! Я на зеленый переходила, по переходу!

– Да зеленый мигал уже!.. – взвился на переднем сиденье водитель, уверенный, что обвиняют его облыжно. – Бабка сама виновата, а теперь пытается наводить тень на плетень, и скорости у меня никакой не было, я тронулся, когда красный уже переключился!..

– Ничего не знаю ни про какой красный, – с ходу приняла подачу Варвара, – только переходила я по переходу и на зеленый, а вы ехали черт знает как! Да за мной еще целая толпа шла, вы же видели!

– Потому что одни козлы кругом! Когда свет мигает, переходить нельзя. Нель-зя! А вы претесь, как стадо баранов! Ей-богу, пешеходы в Москве!..

– Витя!

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида, еще немного пошевелил губами, как будто не смог сразу замолчать, и буркнул:

– Извините, Иван Александрович.

Иван Александрович, на которого Варвара даже ни разу не взглянула как следует, немного подвинулся в ее сторону и предложил довольно участливо:

– Может быть, все-таки заедем в медпункт? Что там у вас... в смысле травм?

«Бойтся, что я права и его водитель попер на красный, – решила Варвара. – Сам-то он, конечно, на дорогу не смотрел и не знает, кому верить, то ли мне, то ли водителю. Поверит, несомненно, водителю, но меня хочет задобрить, чтобы я не верещала и не создавала ему проблем. Впрочем, какая из меня проблема!..»

– Все в порядке, – сказала она, – кожа содрана и колготки порвались. В медпункте колготки все равно не выдают, а йод у меня есть дома.

И тут, наконец, она на него посмотрела.

Он был коротко стриженный, темноволосый, не толстый, но очень плотный. Большие руки, крепкая шея в тисках галстука. Глаза казались обведенными черным из-за очень густых и темных ресниц.

Он тоже некоторое время внимательно смотрел на нее. Цвет его глаз Варвара разобрать не смогла.

– Извините, – буркнул он, отвернувшись, – я думал, что вы бабушка.

– Я не бабушка, – зачем-то объяснила Варвара, – но, возможно, через некоторое время ею стану.

Водитель таращился на нее в зеркало заднего вида и, видимо, не верил себе. Внезапное омоложение Варвары его озадачило.

– Я-то думал, – вдруг сказал он, – платок, сумка, пальто... Бабка и бабка...

– Витя!

– Извините, Иван Александрович...

– Тем более непростительно, – раздраженно продолжил Иван Александрович, – видеть вы должны хорошо, ноги у вас в порядке, что ж вас понесло на проезжую часть!

– Меня не понесло. Я переходила улицу...

– Да, я слышал. На зеленый. Все равно нужно по сторонам смотреть, если не хотите, чтобы вас убили!

– Это вы своему водителю скажите! Я-то не хочу, чтобы убили, а он зачем людей давит?! Вместе со мной целая толпа переходила!

– Но под колесами почему-то именно вы оказались! Толпа благополучно перешла, а вы очутились под колесами!

– Потому что он меня стукнул своей машиной, и я упала! И сумка отлетела, и из нее все украли!..

– Да, – вдруг спокойно произнес Иван Александрович, как будто не он только что разорвался, – это плохо. Сумку жалко. Что в ней было? Деньги? Документы?

– И деньги, и документы, и все на свете!

– Много денег?

– Много, – огрызнулась Варвара, – пятьсот рублей.

И тут так жалко ей стало этих пятисот рублей, и себя, и свой паспорт – фотография там была удачная, ей очень нравилась, – и даже книжку, которую она только-только начала читать и не успела еще толком понять, что за кровавое убийство затевают злые люди, что она заревела и, обхватив ладонями щеки, сунулась лицом в колени.

– Да что ты реवेशь?! Чего теперь реветь, когда...

– Витя!

Ревела она почти до самого дома, только на перекрестке Иван Александрович, будь он не ладен, спросил у нее, куда повернуть. Варвара показала рукой. В довершение всех унижений, когда машина остановилась, он стал совать ей деньги, повторяя, что готов «возместить», а Варвара отталкивала его руку, всхлипывала и утиралась платком.

Ужасно.

В конце концов ей удалось выбраться на волю, и она побрела по расчищенной дорожке к подъезду, и опять чуть не упала, наступив на присыпанную сегодняшним снежком ледяную полосу, и замахала руками, пытаясь обрести равновесие, и пустая сумка крутилась вокруг нее, а машина все не уезжала, и Варвара точно знала, что Иван Александрович и его водитель наблюдают за ней оттуда.

Диагноз неутешительный, как говорил ее дед, военный врач.

В лифте стояли неаппетитные лужи, а в тамбуре пахло собаками – соседи держали в двухкомнатной квартире трех огромных кавказских овчарок. Сосед хвастался, что дверь они могут вообще никогда не запирать. Варвара была в этом уверена – не запирать не столько из-за свирепости собак, сколько из-за духа от них. Любой, сделавший попытку кражи, непременно должен был упасть замертво.

Сосед, выстроивший всю свою собачью семью для вывода на прогулку, долго ахал над причудливым Варвариним видом, клял «новых русских» и их машины, прикрикивал на «ребят», задравших к Варваре пудовые морды. Она стояла, прижавшись к стене и обняв пустотелую сумку – «ребята» занимали все свободное пространство в тесном тамбуре, да еще сосед между ними пролезал, суеился, изнывал от любопытства, смешанного с сочувствием. Когда, наконец, все выкатились на площадку и Варвара смогла открыть дверь в свою квартиру и зажечь свет в прихожей, крохотной, как платяной шкаф из гарнитура «Хельга», оказалось, что пальто спереди не только мокрое и грязное, но и ворсистое от плотно покрывающей его собачьей шерсти.

– Да что же это такое!.. – выкрикнула Варвара с тоской, обращаясь почему-то к своей сумке, которую она держала за ремешок и потрясла ею у себя перед носом. – Что же это такое, а?!

Сумка не дала никакого внятного ответа, и Варвара швырнула ее под зеркало. Потоптавшись на предусмотрительно постеленной при входе газетке – разуваться следовало на газетке, чтобы не наследить на чистом полу, – она стянула сапоги и пристроила пальто на вешалку.

В чем она завтра пойдет на работу?! В курточке?!

Можно, конечно, попробовать высушить пальто феном, а потом пропылесосить. Шерсть счищает не впервой, она часто сталкивалась с соседом, когда тот шел с «семьей» гулять, и после таких встреч пальто всегда нужно было пылесосить.

Как ее занесло под эту машину?! Правда повезло, что так легко отделалась, да еще до дома доехала с комфортом. Могли ведь и поколотить, если бы попались не такие культурные и вежливые.

Шмыгая носом, Варвара поставила на плиту чайник и переоделась в махровый халат. Когда-то халат был голубым, в звездах и облаках, которые постепенно исчезли, образовав общий серо-голубой цвет. Это был любимый халат, средство утешения, а вовсе не одежда, в нем было тепло и мягко, и Варвару не смущало даже, что она выглядит в нем, как Фаина Раневская в кинофильме «Весна». Просто она старалась не смотреть на себя в зеркало.

Все-таки в зеркало пришлось посмотреть.

Ничего особенного, по крайней мере на лице ее сегодняшнее ДТП никак не отразилось – не было ни ссадин, ни царапин, все в порядке. Только глаза красные от того, что редела. Нужно будет положить на них по куску капусты. Бабушка Настя всегда говорила, что «капустный лист красноту разгоняет».

Хотя какое это имеет значение! Можно подумать, что на работе кто-нибудь заметит ее красные глаза!

В любимом халате она выглядела толстой и бледной – зря все-таки смотрелась в зеркало! Теперь весь вечер станет думать, отчего она такая толстая. Вроде и ест немного, и на работе все время, а там есть некогда, и сахара в чай кладет всего одну ложку, а Вика Горина по три, и все равно стройная, легкая, быстроногая...

Почему жизнь так несправедлива?

На ужин была курица с рисом, и, расстроенная от того, что такая толстая, Варвара съела все до крошечки, хоть и обещала себе, что все есть не станет, а половину оставит на завтра. Теперь, когда пятьсот рублей придется вычеркнуть из бюджета, такая экономичность была бы весьма актуальной.

Усевшись в комнате с большой кружкой чаю – сахара всего одна ложка! – она стала думать.

Сегодня у них в офисе произошло «несчастье».

Посетитель, незаметного вида молодой человек с портфелем, приходил уже в третий раз. Шеф неизменно принимал его, когда бы он ни появился, и Варваре это казалось странным.

Шеф не принимал никого, не помурывив известное время в приемной. Такой у него был стиль работы. Очевидно, он считал, что принимать посетителей в назначенное время – дурной тон, который не к лицу большим начальникам. Шеф считал себя большим начальником, и в приемной у него собирались очереди, как к утренней бочке с молоком в советские времена. Однако этот молодой человек проходил в кабинет сразу, едва Варвара о нем докладывала.

У него была странная фамилия. Лиго Петр Борисович, вот как его звали.

Сегодня он опять пришел и опять был приглашен в кабинет, как только Варвара произнесла в селектор его фамилию. Минут через десять шеф вызвал Варвару и неприятным голосом попросил кофе. С Варварой он всегда разговаривал неприятным голосом. Не потому, что на самом деле был ею недоволен, а потому, что быть недовольным секретаршей тоже считал хорошим тоном.

Варвара принесла кофе.

Петр Борисович Лиго сидел на диване, и у него было напряженное лицо. Руки стиснуты на одном колене. Он старался приветливо улыбаться Варваре и делал это как-то на редкость неубедительно. Наоборот, она даже посмотрела повнимательнее, что это с человеком, почему он корчится. Вскоре Петр Борисович неожиданно выглянул в приемную и попросил у Варвары пепельницу. Изумленная Варвара вскочила с места, пронеслась к «хозяйственному отсеку» – ниша в стене, загороженная решетчатой ширмочкой, – и отыскала пепельницу. Пепельница была чистая, но мокрая, и, рассыпав от усердия и спешки кучу салфеток, Варвара яростно протерла ее до скрипучей сухости и подала постно ожидавшемуся Петру Борисовичу.

Потом еще раз вошла – начальник приказал забрать грязные чашки и подать чистые вместе со свежим кофе. На часы она не смотрела, но со времени первой подачи кофе прошло, наверное, с полчаса.

Петр Борисович Лиго пересел в кресло у окна, довольно далеко от кофейного столика. Лица его Варвара не видела, но он что-то говорил, довольно громко. Она не стала вслушиваться. Минут через десять шефу позвонила Лина Ахметова из юридической дирекции, и он ушел туда, буркнув по дороге, что Петр Борисович что-то печатает на компьютере, а ему срочно нужно к юристам. В компании так было принято – к юристам все ходят сами и по первому

зову. Только председателю, кажется, юридические документы приносили в кабинет. Варвара слегка удивилась, что посетителя внезапно потянуло к работе на компьютере, но ничего выяснять она, естественно, не стала.

Дверь была прикрыта неплотно, и несколько раз она слышала шум, как будто Петр Борисович прохаживался по кабинету. Шеф не возвращался. Потом загрохотало так, что Варвара перепугалась. Ей показалось, что Петр Борисович перевернул на себя книжный шкаф.

– Что он там может делать? – спросила она у Люды Галкиной из рекламного отдела, забежавшей покурить.

– Не знаю, – быстро ответила Людка, – надо посмотреть. Зайди!

Варвара зашла.

Петр Борисович Лиго лежал на полу, прижимаясь желтым виском к коврику. Рядом на полу валялись монитор и клавиатура.

Сам Петр Борисович был абсолютно, непоправимо мертв. Варвара поняла это с первого взгляда, и в обморок не бухнулась, и не стала совершать никаких бессмысленных киношных действий – трясти его, поливать водой, дрожащей рукой совать валидол, сначала себе, а потом труп или наоборот.

– Люда, – вместо всего этого сказала Варвара, сидя на корточках, – по-моему, он помер.

Людка ахнула, попятилась и немедленно схватила себя за свитерное горло.

– Я вызову «Скорую», – продолжила Варвара быстро, пока Людка не вздумала лишиться чувств, – а ты сбегай за шефом. Он к юристам ушел. Ну, скорей, скорей, шевелись!..

Когда требовалось, Варвара становилась очень решительной, гораздо более решительной, чем нынешним вечером под машиной вежливого Ивана Александровича.

Прибежал бледный шеф, за ним кто-то из юристов, и Варвару прогнали.

Потом начались неразбериха и паника, канитель со «Скорой», в приемной толклись любопытные – еще бы, такое неожиданное «счастье»: среди бела дня в офисе труп! Тут не один день, неделю никто работать не будет! Высокая дверь открывалась и закрывалась.

Когда открывалась, Варвара в волнении поднималась на цыпочки и хватала за плечи и толкала таких же любопытных, пытаясь рассмотреть, что такое там происходит, на месте событий, а когда закрывалась, все поворачивались к Варваре, придвигались к ее столу и смотрели на нее умоляюще, а она делала строгое и немного печальное – «подобающее» – лицо и многозначительно помалкивала, зато Людка в коридоре в сотый раз повторяла, как она курила с Варварой, а потом что-то грохнуло, и они бросились в кабинет, хотя они вовсе не бросались, а он лежит, а рядом монитор, а он... никакой. То есть совсем мертвый. Окончательно и бесповоротно...

Варвара посмотрела в свою кружку – чая не было. Когда успела выпить? И удовольствия не получила, и вкуса не заметила – а все из-за внезапной кончины Петра Борисовича!

И самое, самое главное, от чего становилось холодно в спине.

Варвара была уверена – Петра Борисовича Лиго убили, и «спазм сосудов головного мозга», сведения о котором моментально просочились «в коллектив» от приехавших на «Скорой» мрачного вида громил, не имеет к его смерти никакого отношения.

– Ты просто начиталась детективов, дорогая, – сама себе сказала Варвара. Просто так сказала, чтобы послушать, как это прозвучит. Прозвучало неубедительно.

«Фантазерка, – говорила про нее бабушка Настя с неодобрением, – вечно в облаках витает! Что за девка! Беда с ней».

Впрочем, Варвара не знала никого, о ком бабушка отзывалась бы с одобрением. Варвара была «фантазерка», отец «куркуль», мама «заноза», соседка «Кабаниха», ее сын «бандит», хотя розовый, очкастый, толстый Димка на бандита тянул так же, как сама Варвара на «Мисс Вселенная».

Димка ухаживал за ней когда-то, и его неловкое сопение и влажные пальцы, которыми он стискивал Варварину ладошку, были самыми романтическими воспоминаниями в ее жизни.

Ну и ладно. Ну и наплевать. Подумаешь.

Или вот Татьяна, лучшая подруга. Вышла замуж в двадцать лет и – ясное дело – по безумной любви. Некоторое время любовь продолжала быть безумной, потом стала обыкновенной, потом не стало никакой. Осталась только морока с опостылевшим, никуда не годным мужиком, который, как назло, за это время стал «своим и родным», и бросить его на произвол судьбы у добросердечной подруги не хватало совести. Сидел он на шее у нее и родителей, очень удобно сидел, свесив ножки и помахивая кнутиком, ничего не делал, ни о чем не заботился, не печалился ни о чем – почти десять лет. Татьяна превратилась в пожилую бабищу пятьдесят восьмого размера – Варвара сочувствовала ей с некоторым жалостливым женским высокомерием, ибо сама носила всего только пятьдесят четвертый, – стала раздражительной, визгливой, волосы накручивала на бигуди, короткие ногти красила ярко-алым лаком, ссорилась с родителями и обожала сына Ваську, который от мамашиного обожания совсем одичал и перестал правильно соотносить себя с окружающим миром.

Вот вам и романтическое чувство, уважаемая Варвара Андреевна. Такого хотите? Вы-то посиживаете себе в кресле в любимом халате, чаек потягиваете, думаете о высоком, жалеете свои пятьсот рублей, а Танька, небось, одной рукой картошку жарит, другой пол метет, одним глазом уроки проверяет, другим кучу белья окидывает – когда гладить, уже сегодня или еще до завтра полежит.

Хорошо хоть «родного» в прошлом году она все же выставила вон – как в комедии. Пришла под Новый год домой пораньше, три сумочки принесла, с индейкой, мандаринами и подарками, а «родной» посреди комнаты в одних трусах мечется, а барышня на балконе без лифчика – и метель, метель, и барышнину барахлишко неубедительной кучкой!..

Танька как принялась хохотать, так и хохотала до самого суда, и в суде хохотала, и судья вместе с ней. Развели их за пять минут.

«Пять минут, пять минут, бой часов раздастся вскоре...» И что-то там такое про ссору.

Девять лет непрерывного ежедневного изматывающего счастья – у Татьяны невралгия и зарождающаяся язва желудка, у бывшего «родного» пивное пузо, одышка и «сердечко шалит», Васька среди ночи просыпается и плачет, боится, что родители начнут орать друг на друга, – а потом пять минут, и жизнь «с чистого листа», как говорили раньше в телепередачах про писателей.

Нет, уважаемая Варвара Андреевна, вы спасибо скажите ангелу-хранителю вашему, что вас все это миновало. Немножко жалко, конечно, что никогда и ни в кого не была влюблена, и что сына нет – уж она, Варвара, ни за что не допустила бы, чтобы он ревел по ночам! – и сердце ни от чего не замирает, и давешний нахальный водитель подумал, что она бабка, а ей до тридцати еще целый год, полтора даже!

А Петра Борисовича со странной фамилией Лиго все-таки убили. Варвара была уверена, что его убили, как только шеф вышел за дверь кабинета. Кто-то следил за ними, пока они разговаривали, и как только шеф вышел, прикончил Петра Борисовича.

Зачем? Кто он такой, этот Петр Борисович? Что за дела у них с шефом? Почему он никогда не сидел в приемной, проходил, ни на кого не глядя, и с шефом говорил как будто немного свысока, как если бы шеф был жокеем, а Петр Борисович – владельцем породистого рысака.

«Ты можешь думать о себе все что угодно, но лошадь все равно моя», – примерно так выглядел Петр Борисович, когда говорил с шефом. Впрочем, говорил в основном шеф, а Лиго слушал.

И сегодня его убили. До смерти, как выразилась впечатлительная Люда Галкина.

Варвара протяжно вздохнула, стряхнула с отворотов халата вчерашние сухарные крошки, застрявшие в махровых остатках звезд и облаков, и зашлепала на кухню, ставить чайник. Жалко, что все сухари вчера же и кончились.

Она не станет жалеть о сухарях. Она и так толстая. Вика Горина, небось, не ест по вечерам сухари, да еще с изюмом, да еще с сахаром, и она, Варвара, не станет.

Сухаря, твердого, ванильного, пахнущего сдобой, с изюмом и крупными крупинками коричневого сахара, хотелось уже почти невыносимо.

Может, в булочную спуститься, за кексиком или за мороженым? Сухарей у них все равно нет.

Она ни за что не пойдет! Вика Горина, к примеру...

Варвара выключила воду, на кухне вдруг стало пронзительно тихо, и оказалось, что заливается звонок у входной двери.

Ни с того ни с сего Варвара перепугалась и уронила чайник в раковину. Чайник загрохотал, вода широко плеснулась, залила линолеум и халат спереди, где облака и звезды были уж совсем ни на что не похожи.

Входная дверь вздрогнула, как будто в нее ломился кабан.

Ноги отнялись, и живот, на который пролилась вода, заledenел.

– Варвара!!! – протрубил из-за двери кабан. – Открывай давай!

Уф-ф, господи!..

Варвара перевела дух и потрусила в прихожую, похожую на шкаф из гарнитура «Хельга».

– Хоть бы позвонила!.. – в сердцах выговорила она, распахивая дверь.

– Да чего звонить-то! – пропыхтела Татьяна, протискиваясь мимо, – я и так знаю, что ты дома!

– Откуда?

– От верблюда. Где тебе еще быть, если не дома?

– Это точно, – вздохнула Варвара, подсовывая подруге тапки, – а ты почему не дома?

Или все белье перегладила?

– Ничего я не гладила, – устало сказала Татьяна. В левой отставленной руке она держала ботинки, а правой взбивала на темени кудри, приплюснутые шапкой. – У меня неожиданно получились каникулы.

– Какие каникулы, разве у Васи...

– Васю родители увезли в дом отдыха под Солнечногорск. На четыре дня. Я теперь свободна и независима, как бывшая братская Украина. Я привезла сырокопченой колбаски и тортик.

– Какой еще тортик!..

– Маленький, – заискивающе проблеяла Татьяна, – ничего с нами не будет от маленького тортика! А? Ничего не будет?

Варвара не стала говорить каникулярной подруге, что Вика Горина наверняка не ест на ночь тортики, даже маленькие, не говоря уж о колбасе.

– Ботинки поставь под батарею, – распорядилась Варвара, – только постели что-нибудь, а то будет лужа.

– Не будет. Я их сейчас вымою. Кстати, бутылку я тоже принесла.

– Пить будем?

– И есть. Мы будем есть и пить. Ставь сковородку.

– Жарить нечего, – отозвалась Варвара, выуживая чайник из раковины, – была курица, но я ее уже съела.

– На твою курицу я и не рассчитывала, – решительно заявила Татьяна, появляясь на пороге кухни, – я купила отбивные.

– Маленькие? Как тортик? – уточнила Варвара.

– Здоровые. Ну и что? – проскулила она, преданно глядя на Варвару, – ну, раз уж у меня каникулы!.. Поесть-то можно! Господи, я в последний раз спокойно ела на прошлый Новый год, да и то после четырех часов ночи, когда Ваську спать загнала и родители улеглись. Никто не руководил, не приставал, не поучал, не рыдал, не спрашивал, где суффикс, где окончание, а где числитель со знаменателем!..

– А картошка зачем? – спросила Варвара строго, глядя, как в раковину проворно летят коричневые очистки. Алые до нелепости ногти хищно сияли. – Картошка с мясом!.. Хуже только торт с маргариновыми розами!..

– Не хуже! Картошка с мясом хороша в своем роде, а торт с розами в своем. Или плоха.

– Плоха, – подтвердила Варвара. – Картошку варить или жарить?

– Варить. Мясо жарить. Картошку варить. И то и другое жарить – вредно. А ты чего в этом халате? Стряслось что-нибудь?

– Стряслось, – вздохнула Варвара, – а картошку давай все-таки пожарим! У нас на работе сегодня один придурок помер, и я чуть под машину не попала. Вернее, я попала, но... не очень.

– Как – не очень?! – возопила подруга, оставив «придурка» без внимания. – Как это можно попасть «не очень»? Ты что, на красный переходила?! Или на зеленый?! Если на зеленый, то надо в суд подать, чтобы компенсацию выплатили! У тебя свидетели есть?

– Тань, ну что ты говоришь?! Какой суд, какие свидетели?! Хорошо, что с миром отпустили, да еще до дому довели и с меня никакой компенсации не потребовали! Машина такая... солидная была. Большая. И хозяин... солидный.

Почему-то неожиданно и слишком ясно вспомнились серые глаза, темные из-за очень густых и коротких прямых ресниц, большие руки, и еще голос, и уютный автомобильный свет, и то, как она потом ковырялась на дорожке, размахивая сумкой.

Фу, как ужасно!..

– И из сумки все украли, – продолжила Варвара с тоской, – пока я поднялась, отряхнула пальто...

– Как – все?! – ахнула Татьяна. Она ахала и ужасалась, но про картошку с мясом не забывала ни на секунду – посолила, помешала, а теперь внимательно и с удовольствием принюхивалась. – Денег сколько было?

– Пятьсот рублей. И паспорт еще!.. Теперь придется в милицию тащиться, и в фотографию, и в домоуправление, и еще, небось, в сберкассе платить, а там очереди! Я только две недели назад заграничный паспорт оформляла, думала, что мне конец придет. Оказывается, в нашей стране победившего капитализма все повально едут за границу. Ты что-нибудь об этом слыхала?

– Нет, – призналась Таня.

– Я тоже не слыхала. А тут ко мне в международном отделе пристали – оформляй да оформляй паспорт. Мы компания современная, у всех наших сотрудников непременно должны быть паспорта!.. Вдруг шефу взбредет в голову меня на стажировку отправить в Лондон или в Нью-Йорк!

– А он... моет... опраить? – спросила Таня с набитым ртом.

– Нет! Но это неважно. Важно, чтобы у международников в компьютере были данные – Варвара Лаптева, секретарь, паспорт номер такой-то. Тань, я с этим паспортом валандалась три недели. И теперь что – заново начинать, следующий оформлять?! – Тут Варвара совершенно неожиданно для себя заревела.

Вроде и не собиралась, и все как-то отступило и улеглось, и халат она достала, и курицу съела, и почти позабыла о том, как нахальный водитель весело называл ее бабкой, – и заревела! Ревела она долго, со вкусом, подвывала и всхлипывала. Таня косилась на нее, подцепляла со сковороды лепестки картошки, молча жевала и ни о чем не спрашивала.

Как хорошо, что есть подруги, которые знают, когда можно спрашивать, а когда лучше жевать картошку и молчать. Раз есть такие подруги, и жареная картошка, и мясо, и торт – значит, наплевать на Ивана Александровича и его машину и на его болтуна-шофера, вот только денег жалко, и паспорт...

– Хватит рыдать, – приказала Таня, и Варвара послушно утерлась рукавом халата, – сейчас все пережарится, и получится гадость. Давай лучше есть.

– Я решила худеть, – объявила Варвара за чаем с ломтем «тортика». Некстати пришедшую на ум Вику Горину она прогнала.

– По Монтиньяку хорошо, – подсказала Таня. – У нас в бухгалтерии одна девица на пятнадцать килограмм похудела. Только картошку нельзя и белый хлеб, а все остальное можно, даже шоколад.

– Свежо предание, – вздохнула Варвара и водрузила на свою тарелку еще один ломоть торта, – по-моему, на пятнадцать килограмм можно похудеть, только если кардинально изменить образ жизни.

– Как?

– Так. К примеру, страшно разбогатеть и перейти на устрицы и креветки. И есть их до конца жизни. В теннис начать играть. Знаешь, как это шикарно – сегодня с утра у меня теннис и сауна, позвони мне после обеда, когда я уже буду пить свой чай из трав и заедать его булочкой из неочищенных злаков...

– У меня каждый день с утра теннис, сауна и неочищенные злаки, – буркнула Таня. – Сначала сауна с Васькой, а потом теннис с родителями. Иногда наоборот бывает. В смысле сначала теннис, а потом сауна. Слушай, Лаптева, давай лучше еще выпьем. За нас, умниц и красавиц. Мы же с тобой умницы и красавицы. А, Лаптева?

– Только почему-то никто этого не замечает, – пробормотала Варвара, – хоть топись. Шеф три месяца назад обещал повысить, в помощники перевести, а вместо этого...

– Что?

– Труп, – внезапно выпалила Варвара, вспомнив, что так и не рассказала подруге самую важную новость. – Слушай, Танька, у нас сегодня в офисе одного мужика прикончили!

– Как... прикончили? – спросила Танька и взялась пухлой ручкой за собственный рельефный бюст – с той стороны, где положено быть сердцу. Глаза у нее засверкали. – Как в фильме «Улицы разбитых фонарей», да? Ты сидишь за столом, и тут врываются четверо в масках, и кидают всех на пол, и убивают твоего шефа, а ты вызываешь милицию и становишься врагом мафии...

– А потом на тебе женится милицейский майор, – закончила за подругу Варвара, – и не мечтай даже. Никто не врвался и на пол не кидал. Прости.

– Да ну тебя.

– Правда, Тань. Конечно, все было так, как будто он сам по себе умер, а я думаю, что его убили.

Таня отняла руку от груди, подперла подбородок и посмотрела на нее с настороженным интересом. Мелко завитые кудри на голове вздрогнули и тоже вроде как нацелились на Варвару.

Лет восемь назад во время какого-то семейного праздника из плоской хрустальной вазы, водруженной в центр низкого серванта, пропали бриллиантовые серьги Таниной свекрови. Серьги были старинные, единственные уцелевшие от некогда громадного наследства, которое оставила своим детям свекровина то ли пра-, то ли прапрабабка. Свекровь убивалась и рыдала. Свекор бегал со склянкой в руке, и от него на весь дом несло валокордином. Танин муж, тогда еще горячо и безумно любимый, прятался за Таню, гости настороженно переговаривались, уверенные, что «продолжение банкета» не сулит им ничего хорошего, – свекровь кричала, что

положила серьги в вазу пять минут назад, потому что у нее «уши отваливаются». Серьги были тяжелыми, и бриллиантов в них было много.

Варвара серьги нашла.

Как в детективном кино, она задала каждому из присутствующих по одному вопросу и внимательно выслушала ответы. Кое-что даже записала. Потом подумала и произнесла короткую речь.

– Я знаю, кто взял из вазы серьги Марины Ильиничны, – сказала Варвара, и над столом повисла и стала быстро растекаться по углам тишина, – и я знаю, как это доказать. Обещаю, что никому не скажу, кто это сделал, если серьги вернутся на место. Если нет, я объясню Марине Ильиничне и Виктору Ивановичу, как все было, и тогда уж они поступят на свое усмотрение. Думаю, что это будет справедливо. Значит, так. Виктор Иванович, погасите свет в коридоре и закройте дверь. Хорошо. Теперь я гашу люстру и начинаю считать до тридцати. Когда я зажгу свет, серьги должны лежать на тарелке из-под яблок. Таня, вытащи из тарелки яблоки. Раз, два, три!..

Свет погас, стало темно, как в погребке во время полярной ночи, а когда через несколько секунд свет вспыхнул снова, на тарелке красовались прабабушкины серьги. Красовались, сверкали и подмигивали всеми своими многочисленными бриллиантами еще нахальнее, чем обычно.

Сколько потом Таня ни приставала, Варвара так и не выдала, кто их тогда утащил. Све-крови тоже было страсть как любопытно, она Варвару и задабривала, и подлизывалась к ней, и пироги пекла, и торт «Прага», и вареники с вишней лепила, а ведь каждому известно, что нет ничего хуже, чем налепить на всю семью вареников с вишней.

Варвара ни на какие задабривания и уговоры не поддавалась, не помогли и вареники с вишней.

С тех самых пор раз и навсегда Таня уверовала в то, что Варвара и есть прямая наследница Шерлока Холмса по женской линии.

– Ну Лаптева-а, – ныла она в телефон после очередной серии знаменитого детектива, закончившейся, как водится, на самом интересном месте, – ну скажи, что там дальше? Кто, по-твоему, пристукнул эту дуру? Муж? Или, наоборот, тот, который ее шантажировал? Или это сестра? Или она не сестра?

Из-за этих приставаний они даже ссорились иногда.

– Я не пишу сценарии, – орала Варвара, – я не знаю, сестра она или не сестра! И вообще я не смотрю телевизор! Он меня раздражает!

Таня была уверена, что Варвара кокетничает и набивает себе цену.

– Ну и что? – Таня налила в рюмки еще «по глоточку». На дне бутылки болталась какая-то совсем невразумительная порция, и Таня решительно долила в каждую рюмку, а бутылку сунула в мусорное ведро. – Кто его убил? Киллер? Снайпер?

– Не киллер и не снайпер. Огнестрельных ран на нем не было, это точно. Я к нему самая первая подошла, – сказала Варвара с некоторой гордостью, – загрохотало что-то ужасно, я вошла в кабинет, а он... на полу лежит. Мертвый.

– А шеф? – ужасным шепотом поинтересовалась Таня и отхлебнула из рюмки. Для укрепления расшатавшихся нервов.

– Да шеф в это время в юридическую службу ушел, – с досадой объяснила Варвара, – ему позвонили, и он... ушел.

– Так, может, этот, который труп, от сердца умер или еще от каких-нибудь... пороков развития? – обиженно предположила Таня. – Я-то думала, из него кровь рекой текла, а у вас в офисе полдня стреляли, и теперь будет ремонт, потому что все стены в дырках от пуль!..

– Никаких дырок от пуль, а мужика все-таки убили! Вообще все было странно. С самого начала. Почему-то его шеф принимал. Сразу, представляешь? Как только я докладываю, шеф

сразу выходит и провожает его в кабинет. Чуть не под ручку ведет. Он *сразу* никого не принимает. Никогда.

– Так если в нем дырок нет, почему ты думаешь, что его убили?!

Варвара понюхала свою рюмку, сморщилась, залпом выпила оставшуюся водку и подышала открытым ртом.

– Гадость какая, – выговорила она с отвращением, – и зачем мы ее пьем! Поставь еще раз чайник, Тань.

– Почему ты думаешь, что его убили?

– Окно, – задумчиво произнесла Варвара и сунула нос за воротник халата, в развал теплой ветхой ткани, – окно было открыто. И монитор. Все дело в этом проклятом мониторе.

– Его убили монитором?

– Что за чушь, – сказала Варвара рассеянно, – конечно, нет.

Носу было тепло и внутри халата приятно пахло чистотой и кухней. Варваре немедленно захотелось спать.

Сначала нужно пристроить Таню, помыть посуду, посушить пальто феном, а потом пропылесосить его или, может, веником пройтись?..

– Тогда, значит, он выпал в окно?

– Кто?!

– Ну этот твой покойник. Чай заварим или уже кофе?

– Не выпадал он в окно!

– Ты же сама говоришь.

– Я говорю, что окно было открыто.

– И он выпал?

Варвара потрясла головой.

Выпитая водка плескалась внутри. Глаза жгло. В горле сохло. Утром будет еще хуже, хотя напиться Варваре из-за ее габаритов было непросто. Чтобы напиться, да еще вдвоем с Таней, одной бутылки совсем недостаточно.

– Кто открыл окно? Зачем? Когда? Я заходила в кабинет два раза. В первый раз принесла кофе и потом еще раз принесла. Окно было закрыто. Его вообще открыть сложно, надо на подоконник становиться. Или на стул. Если его открыл шеф, выходит, он на стул лез?! Или на подоконник?! Ерунда, не может быть. Кроме того, у него насморк.

– У кого? – спросила Таня и зевнула. – У покойника?

Ее интерес к «детективной истории» иссяк, как только выяснилось, что четверо в масках не укладывали Варвару лицом в ковер, и вообще все было не так, как в фильме «Улицы разбитых фонарей».

– У шефа насморк. Он даже дверь из приемной в коридор не разрешает открывать. Говорит, что его продует.

– Так, может, окно открыл тот, который труп? То есть который впоследствии стал трупом. А?

– Зачем?

– Чтоб проветрить.

– Таня, – сказала Варвара терпеливо и потерла глаза, которые изнутри щипала выпитая водка, – этого не может быть. Посетитель в чужом кабинете влезает на стул или подоконник и открывает окно, чтобы проветрить!.. Этого не может быть.

– Ну пусть не может, – согласилась покладистая Таня, – а монитор при чем?

– Когда я вошла, труп лежал на полу. Рядом с ним валялся монитор и клавиатура. Все очень естественно. Как будто человек сидел за компьютером, работал себе спокойно, а потом вдруг – раз! С сердцем плохо стало! Только монитор не работал.

– Ну и что? – не поняла Таня. – Правильно, что не работал. Он же на пол упал. Упал и разбился, наверное.

– Ничего он не разбился. То есть, конечно, может, он и разбился, но я знаю, что он не работал еще до того, как упал.

– Почему?

– Потому что он в сеть не был включен, вот почему. Вообще компьютер не работал, понимаешь? У нас уборщица очень активная. Когда пылесосит, все шнуры из розеток выдергивает. Всегда. Я посмотрела – вилка на ковре валялась, рядом с розеткой.

– Может, она сама как-то выдернулась, когда он упал? Упал, потянул за собой монитор, а монитор потянул...

– Вот именно, – заявила Варвара, – сообразила, да? Монитор подключен к системному блоку, а уж системный блок к розетке. Блок на месте, только чуть-чуть сдвинут, а запас шнура, наверное, около метра. То есть блок можно на метр отнести в любую сторону, шнура хватит. Вилка лежит рядом с розеткой, именно так, как вчера ее выдернула уборщица. Выходит, Петр Борисович работал на выключенном компьютере.

Таня моргнула, а Варвара продолжала с воодушевлением:

– И шеф знал, что компьютер выключен! Он на уборщицу всегда громче всех орет и, когда на работу приходит, первым делом все розетки проверяет. Ему позвонили из юридической службы, он вышел в приемную, сказал мне, что посетитель что-то пишет на компьютере, а он «отойдет на минутку к юристам». Зачем он сказал мне про компьютер и про юристов? Он мог мне ничего не объяснять! Да он никогда и ничего мне не объясняет! А он сказал. Зачем?

– Зачем? – повторила Таня.

– Не знаю.

– Может, он и убил? Стукнул по голове – и сразу наповал.

– Нет.

– Почему? – спросила Таня и зевнула.

Варвара мельком глянула на часы – полвторого, а еще пальто пылесосить!

– Потому что этот самый Петр Борисович ходил по кабинету после того, как шеф ушел. Я слышала, как он там ходит. Давай спать, Тань.

– А кутить? – спросила Танька, тараща слипавшиеся глаза, – мы же только начали!.. Я последний раз кутила...

– Знаю, знаю, – перебила Варвара из коридора, – на прошлый Новый год, когда всех разложила по кроватям! Иди умывайся, я тебе постель разберу.

– Я сама себе разберу, – пробормотала Таня неуверенно, – и посуду помою. И все уберу. Только посижу немножко.

– Иди-иди! Ты сейчас уснешь и свалишься с табуретки. Что я с тобой стану делать?!

– Васька в субботу ждал отца. Он обещал сводить его то ли в цирк, то ли в «Макдоналдс». Васька полдня перед телефоном сидел, а потом в прихожей под дверью. А когда я его отгоняла, орал как резаный. А этот так и не пришел. Что мне делать, Варь?

– Ничего, – буркнула Варвара, – продолжать жить.

– А Ваське что делать?

– Под дверью сидеть, – сказала Варвара мрачно, – пока не сообразит, что даже если он всю жизнь просидит под дверью, эта... свинья все равно не придет.

– Мне его так жалко-о-о... – вдруг завывала Таня и схватила себя за барашковые кудри на голове, – он ведь маленьки-ий! Я хотела, чтобы у меня семья была-а-а!.. А я собственного сына не могу-у-у...

– Танька, – заявила Варвара и решительно подняла подругу с табуретки, на которой та заливалась горькими слезами, – ты тут ни при чем! Ты не виновата. Никто не виноват. Вася маленький еще, он вырастет и все поймет. А ты не убивайся, я тебя прошу! Ты только хуже

всем сделаешь, и Васе в первую очередь. Он должен знать, что *ты* у него есть всегда! Всегда, что бы ни случилось. Для него это самое главное.

– А... а отец? – спросила Таня икая. – Отец не главное?

– Нет, – решительно отрезала Варвара, – сейчас отец уже не главное. Сейчас он уже в прошлом. Все. Теперь уж придет не придет – это его проблемы. И черт с ним, и пусть живет, как хочет. Поняла?

Таня тихонько прохрюкала, что поняла.

Варвара уложила ее на диван, под толстую перину, подоткнула со всех сторон, перелезла через нагроможденные в темноте стулья и приоткрыла форточку, чтобы легче дышалось.

Ну как вам семейная жизнь, дорогая Варвара Андреевна, спросила она себя, переминая под краном хрустальные рюмки. Рюмки были старые, толстые, исполненные советского праздничного достоинства. Варвара их очень любила и берегла. И семьи-то никакой нет и не было никогда. Были Таня с Васей – с одной стороны, и «родной» – с какой-то другой стороны. И никогда ему не было до них дела, и никогда его не волновало, на что они живут сейчас, и на что будут жить завтра, и из чего нажарить котлет, и куда поехать в июле, и кто пойдет в больницу навестить дедушку, и за что Васе вкатили трояк по природоведению, и чем опять недовольна теща, и кому придется поднимать упавший забор на даче.

Нет семьи и не было никогда, осталось одно мученье, когда невозможно, невозможно объяснить ребенку, который полдня просидел под дверью, а до этого неделю ждал и готовился – как же, папа пойдет с ним в цирк! – почему папы нет и не будет, и никто в этом не виноват. Просто жизнь такая.

Или все-таки не жизнь, а люди такие?

Жили бы как Лопухов с Верой Палной из литературного творения пламенного, революционного и прогрессивного Чернышевского, которых Варвара проходила в восьмом классе и искренне удивлялась, почему они такие идиоты.

Жили бы как Лопухов с Верой Палной, ходили бы друг к другу «на кофей» через картонную стенку хрущевки, делились бы идеями, клопочущими в груди, строили планы спасения человечества – от свинства и поклонения «золотому тельцу», брали бы уроки игры на фортепиано – можно на виолончели, читали бы вслух Прудона. Впрочем, Прудон не в моде. В моде Карлос Кастанеда. В определенном смысле ничуть не хуже Прудона. Или ничуть не лучше.

Варвара вернула рюмки в буфет и мимоходом пощупала свое пальто, висевшее в ванной над батареей. Конечно, мокрое. В чем она завтра пойдет на работу?

Да и черт с ним. Черт с ним, с пальто, с Иваном Александровичем, с паспортом и кошельком! Утром что-нибудь само придумается.

А Петра Борисовича Лиго убили. Убили прямо под носом у Варвары Лаптевой, а она ничего не видела и не слышала. Жалость какая. Единственное приключение в жизни, да и то проспала.

Такой приличный, невзрачный, серый человек. За что его могли убить?

– За уши!

– Что?!

– Я говорю – за уши!

– Что – за уши?! За какие уши?!

– Если у тебя волосы во все стороны торчат, – прокричала Варвара и ловко перевернула на сковородке оладушку, – заправь их за уши!!

– Какие должны быть уши, чтобы за них можно было заправить мои волосы?! – прохныкала из глубины квартиры Таня. – Господи, что ж это такое!..

Она не выпалась и пребывала в плохом настроении. И еще на работу придется идти! Ну почему, почему суббота бывает так редко? Ну хоть бы два раза в неделю была суббота. Два раза суббота и один раз воскресенье.

А? Неплохо?

В дверь позвонили, и Таня уронила себе на ногу диванную раскладушку.

– Вот черт!.. Ах, господи!..

– Не поминай господу всуе, – назидательно сказала Варвара из коридора. – Господь – не соседская коза...

– Ты открывай лучше, – простонала Таня и пнула диван. Легче не стало, зато чувство свершившейся мести принесло некоторое удовлетворение. – И кого это принесло в полвосьмого утра?!

Варвара вышла в общий коридор, заставленный коробками и банками – банки были предусмотрительно пронумерованы и прикрыты старым одеялом, чтоб не сперли, – и, вытянув шею, заглянула в мутное стекло.

– Кто там?

За стеклом шевельнулось что-то огромное и темное, и Варвара вдруг так испугалась, что взвизгнула и отпрыгнула назад.

Что делать?! Милицию вызывать? Она будет ехать час. Или два. За это время их с Танькой убьют. Каждую по семь раз.

– Варвара, – позвал из-за двери странный и незнакомый голос, и темная туша опять шевельнулась, – Варвара, это вы... ты?

– Я, – прохрипела она, на шаривая рукой банку с огурцами. Все лучше, чем ничего. Банкой с огурцами вполне можно дать по голове. Как в кино.

– Варвара, это Дима Волков. Ты... вы... помните меня?

Дима? Какой еще Дима?! Что за Дима Волков в полвосьмого утра?!!

Тут у Варвары в голове просветлело, она снова взвизгнула, но уже от радости, кинулась на дверь, кое-как отперла хлипкий замочек и уставилась на темную, шевелящуюся в вечных подъездных сумерках тушу.

– Димка?!

– Ну да. Это я.

Он говорил с какой-то странной, как будто вопросительной интонацией, словно бы сомневался в том, что Димка – это именно он, и улыбался неуверенной улыбкой и прямо перед собой держал треугольный целлофановый сверток, из которого бодро торчали три замороженные гвоздики.

– Димка! – вскрикнула Варвара, кинулась на него и поцеловала в щеку. Димка испуганно моргал и все улыбался. – Откуда ты взялся, Димка?! Ты же в Америке!

– В Америке, – подтвердил он и сунул Варваре сверток. – Это тебе. Только боюсь, что они не совсем... свежие.

– Они были свежими месяц назад, – нетерпеливо сказала Варвара и потянулась, чтобы еще раз его поцеловать, – но это неважно.

Почему-то она никак не могла взять у него букетик и не сразу сообразила, что это из-за банки. В руке у нее была банка с огурцами. Варвара сунула ее обратно и задвинула ногой.

– Димка, когда ты приехал?!

– Варвара, кто там? Оладьи сгорели!

– Ты... не одна? – спросил Димка, сделал шаг назад и стыдливо потупился, как на просмотре кинофильма «Еще раз про любовь», куда их водили всем классом.

– Я не одна. У меня Таня ночевала, подруга. Слушай, почему мы стоим в коридоре? – Его рука под тканью синей куртки была толстой и теплой, как в былые времена. Варвара держалась за эту руку и, не отрываясь, смотрела ему в лицо, и даже приплясывала от радости.

– Наверное, потому, что тебе неудобно пригласить меня войти, – предположил Димка, и Варвара фыркнула:

– Ты совсем лишился ума в своей Америке! Пошли! Пошли скорее!

«Скорее» не получилось, потому что у него был рюкзак величиной со стог сена, еще сумка и еще один рюкзак, поменьше.

– Господи, ты что, не заходил домой?!

– Я заходил, – пропыхтел Димка, втаскивая в прихожую – шкаф из гарнитура «Хельга» – всю свою поклажу, – но я их не предупредил. Я хотел, чтобы был... неожиданность. Сюрприз, вот что.

– Ты разучился говорить по-русски? – уточнила Варвара. За лямку она тянула рюкзак, который поменьше.

– Нет. Но я быстро разучиваюсь. Мне не с кем говорить по-русски.

Варвара перелезла через гору вещей, загромоздивших ее прихожую-шкаф, и захлопнула дверь в коридор. Соседка, выглянувшая на шум, уже считала свои банки, откинув старое одеяло, загибала пальцы и шевелила губами.

– Доброе утро, – сказала Варвара соседской спине и быстро захлопнула дверь.

– Варвара, кто там с тобой?! Мы сейчас на работу опоздаем! И оладьи сгорели! Ты слышишь?!

– Димка приехал, – завопила в ответ Варвара. – Димка Волков! Из Америки. Так почему ты не пошел домой, я не поняла? Что за сюрприз?

– Я не хотел, чтобы родители меня встречали. Я хотел, чтобы... неожиданно.

– Все ясно! – перебила Варвара с удовольствием. – Ты приперся из своей Америки, а дома никого нет. Йес?

– Йес, – подтвердил Димка, усмехнувшись.

– Какой еще Волков? – недовольно спросила Таня, появляясь в дверях кухни.

На ней была выцветшая розовая майка с собачьей мордой на животе – морда заканчивалась чуть выше монументальных молочно-белых коленок. Буйные кудри стояли дыбом. В руке деревянная лопаточка с обгорелой куцей ручкой. На веках – по пол-ломтика свежего огурца.

В конце концов каждый по-своему приводит себя в порядок наутро после «девичника». Варвара верила в капустный лист, а Танька – в огурцы.

– Здравствуйте, – отчетливо выговорил вежливый Димка, – простите меня за непрошеное вторжение. Я не мог предупредить, потому что мой мобильный телефон не может быть настроен на русскую мобильную сеть.

Тут Танька очухалась, содрала с себя огурцы и юркнула в ближайшую дверь.

– Здравствуйте, – прокричала она оттуда, – не обращайтесь на нас внимания. Мы не ждали гостей.

– Если я не вовремя... – снова затянул свою песню Дима Волков, и Варвара пнула его в плечо.

– Ты что, – спросила она, не отпуская плечо, прикрытое толстой курткой, – ненормальный? Раздевайся скорей, и давайте кофе пить! Только оладьи сгорели. Неужели ты прямо с самолета?!

Он кивнул, вешая на крючок свою куртку.

– Я забыл, что у мамы может быть дежурство. У нее, скорее всего, дежурство, а папа, наверное, в командировке. Обычно он уходит на работу около девяти, а я приехал в половине восьмого.

– А может, он в булочную пошел, – предположила Варвара, – позвони, если хочешь. Но даже если он вернулся, – крикнула она уже из кухни, – все равно мы сначала кофе выпьем. Таня, вылезай! Господи, мы, наверное, года три не виделись! Какой ты молодец, что приехал, Димка!

– Варвара, дай мне мои штаны, – приглушенно попросила Таня из-за двери, – я не могу выйти.

– Сейчас. Димка, ты позвонил?

– Звоню. Пока никто не подходит.

– Ну, значит, нет никого! Иди сюда, я хоть посмотрю на тебя! На, – и она сунула брюки в открывшуюся дверную щель. – Димка, тебе чай или кофе?

– Кофе, – ответил он у нее из-за спины – очень близко, и она обернулась с веселым удивлением.

Он почти не изменился, Дима Волков, который тискал ее ладонь своей большой влажной ладонью и выразительно сопел. Он остался огромным, розовощеким, смущенным, близоруким и белобрысым. Как всегда.

Какое счастье, что – как всегда.

– Вот Лидия Владимировна обрадуется, – глядя ему в лицо, пробормотала Варвара, взяла его за руку и подтащила к окну, чтобы рассмотреть получше.

Пожалуй, он стал старше и, кажется, еще больше, чем раньше. Может, от того, что перестал сутулиться. Белый пух на щеках, похожий на свалывшийся войлок, исчез. Слоновьи глазки за стеклами широких очков смотрели на Варвару с радостным удивлением, как будто он тоже позабыл, какая она, и теперь вспоминал, и вспоминать ему было приятно. На нем был темно-синий свитер крупной вязки и светлые джинсы, как в голливудском кино про горных спасателей.

– Димка, – сказала Варвара, рассматривая его, – я даже не пойму, изменился ты или нет. По-моему, нет. Или да?

– Нет, – ответил он смущенно, – ты тоже – нет. Совсем. Я тебя помню точно такой же.

Сначала они учились в одном классе, а потом в одном институте. Варвара поступила в него потому, что ездить было недалеко, а Димка потому, что мечтал о высокой науке.

Варвара училась на тройки, слегка, для разнообразия, разбавляя их то двойками, то четверками, а Димка был отличник, умница, гордость факультета и радость деканата. Почему-то в этом очень трудном, элитном и еще черт знает каком институте для особенно умных не приняты были обыкновенные студенческие штучки вроде шпаргалок или списывания друг у друга контрольных во время отлучек в туалет. Каждый из «особенно умных» как-то особенно гордился своим умом и не собирался делиться им с дураками вроде Варвары. В группе она была единственной девушкой, и ей казалось, что ее тупоумие доставляет парням удовольствие и значительно повышает их собственную значимость. Никто из них не был так туп и не учился так плохо, как Варвара. Только Димка, единственный из всех по-настоящему талантливый, всегда помогал ей. Он решал за нее контрольные и «задания» – на каждый семестр полагалось по два «задания». Пухлая брошюра с желтыми страницами, изданная репринтным способом, вызвала у Варвары приступ паники, уже когда она получала ее в библиотеке. Она точно знала, что не сможет никогда ничего решить, даже под страхом расстрела – все равно не сможет. Варвара представляла себе инквизиторов – авторов пухлой брошюры с «заданием», – как они выдумывают задачи посложнее и позакковыристей, как потирают сухие ручки, как прищуривают иезуитские глазки, радуясь тому, что тупицам, вроде Варвары, никогда не прорваться сквозь возведенные ими баррикады.

Варвара и не прорвалась бы, если бы не Димка.

Окончив институт, он очень быстро и легко защитил все диссертации, получил все существующие степени, с тоской огляделся вокруг и понял, что нужно уезжать.

– Чучелом или тушкой, – грустно сказал он Варваре, когда пришел объявлять, что ищет себе работу «там».

– Что это значит? – не поняла Варвара.

– Это значит анекдот, – объяснил Димка. – Ты не знаешь? В Израиль уезжает старый еврей, а в клетке у него старый-престарый попугай. Таможенник говорит – птиц можно провозить только чучелом или тушкой, больше никак. Еврей плачет и клянется, что этот попугай в их семье уже лет сто и все такое. Ну вот. Попугай слушал, слушал, а потом говорит: «Брось ты, Фима!.. Чучелом или тушкой, а уезжать надо!»

– Ты же доктор наук, – сказала Варвара, рассматривая его. Он печалился, болтал ложкой в чае, прятал глаза. – Тебе почти двадцать семь лет, а ты доктор наук. Зачем тебе непременно уезжать, если ты так не хочешь?

– Не хочу, – признался Димка, – и родителей не хочу оставлять и... вообще. Но если меня хоть куда-нибудь возьмут, уеду.

– Почему?!

– Потому что наука в этой стране кончилась, – ответил Димка резко и поморщился. Он не любил красивых фраз и стеснялся, когда приходилось их произносить, – нет науки, все. И на протяжении нашей жизни больше не будет.

– Почему?

– Потому что вкладывать деньги в теоретическую науку могут позволить себе только очень богатые страны. Зачем она нужна бедным, эта наука?! Из моей диссертации штаны не сошьешь, а для того чтобы я ее написал, знаешь, сколько денег нужно угрохать? Сначала на то, чтобы меня выучить, потом на то, чтобы обеспечить меня работой, потом на то, чтобы выделить мне экспериментальную и всякую прочую техническую базу!.. Мне надо зарплату платить, на конференции вывозить – я же не медведь в берлоге, чтобы нормально работать, мне нужно знать, кто и чем занимается в мире.

– Дим, но у нас же самая сильная в мире наука. Была.

– У вас – это у кого? – осведомился Димка и перестал болтать ложкой. Слоновьи глазки стали зелеными от злости. – Эта страна семьдесят лет работала только на войну, и ее наука работала только на войну. Очень успешно работала, между прочим. Отлично работала. Автомат Калашникова, «Су-27», «Миг-29». Если наши не профукают, все это еще вполне можно продавать и делать на этом бизнес. Но на науку денег все равно не хватит, даже если продать все, включая нашего директора. Хватит только на поддержание видимости, что вроде бы она у нас есть и поэтому мы не сырьевой придаток вроде Венесуэлы с Бразилией, а держава!

– Дим...

– Что? Как только отменили войну, отменили чохом всю нашу науку. Мне вчера предложили секретное исследование, под которое институту дают деньги. Отказаться не могу, иначе весь отдел по миру пойдет, во главе со мной. Хочешь, тему скажу?

– Секретную?

– Супер. «Истребление саранчи с помощью лазерной пушки, установленной на вертолете».

– Это что? Шутка? – спросила Варвара, хотя по Димкиному лицу было видно, что никакая это не шутка.

– Так что если возьмут – уеду, – неожиданно закончил Димка.

Конечно, его «взяли», и он уехал.

Варвара состояла с ним в более или менее бессмысленной компьютерной переписке – «Дорогая Варвара, поздравляю тебя с наступающим Рождеством», «Дорогой Дима, получила твое письмо и очень рада», – раза по два в год навещала его родителей, пила с ними чай на тесной кухоньке, рассматривала фотографии, которые присылал любящий сын, слушала рассказы о его успехах. Успехов было немало. Он быстро получил профессорскую должность, переехал из съемной квартиры в небольшой домик с белым забором и зеленой лужайкой, купил машину, завел дополнительный счет в банке и на уик-энды ездил кататься на горных лыжах.

Образцовый американец конца девяностых. Только Димка не был американцем.

– Как это ты родителей не предупредил? – после довольно долгого молчания ни с того ни с сего спросила Варвара. – Все-таки мужики – дураки. А если Лидию Владимировну сердечный приступ хватит?

– Надеюсь, что нет, – сказал Димка, подумав, – вообще-то я писал, что собираюсь приехать, только не писал, когда. Чтобы не волновать. А ты? Ты как?

– Хорошо! – уверила его Варвара. – Секретаршей была, секретаршей и осталась. Правда, я теперь секретарша генерального директора. Моего шефа повысили, и я вместе с ним повысилась. Мужа нет, детей тоже. Если бы завелись, я бы тебе написала.

– Надеюсь, – пробормотал Димка и неожиданно поднялся, чуть не задев головой красный фонарик в форме тыквы.

– Ты что?

– Доброе утро, – пробасил Димка, – меня зовут Дима Волков. Я старый друг Варвары.

– Здравсьте, – буркнула Таня, протискиваясь за Варвариной спиной к плите, – я так и поняла.

– Это Таня, – представила ее Варвара, – моя подруга. У нас вчера был девичник, пьянство и дебош.

– Какой-то праздник? – спросил Димка, подумав.

– Большой, – Таня отхлебнула кофе из белой кружки. Она терпеть не могла кофейные чашки и всегда пила кофе только из громадных кружек. – У нас был праздник непослушания. Мои родители уехали отдыхать и увезли с собой моего сына. Мы праздновали свободу.

– Это отлично, – одобрил Димка.

– Ты садись, – посоветовала Варвара, – ты очень много места занимаешь.

Димка послушно сел и даже сделал попытку задвинуться под подоконник.

– Тань, ты тоже садись.

– Я хочу сделать бутерброды. Оладьи-то сгорели.

– Оладьи вполне ничего, съедобные. Чуть-чуть только черные, с одной стороны.

– Я с удовольствием съем, – вступил Димка, – я давно не ел никаких оладий. Даже сгоревших.

– Да ничего они не сгорели. Это Танька все придумала!

– А вы в Америке живете, да? В штате Канзас?

– Нет, – ответил удивленный Димка, – в штате Техас.

– У вас ранчо и вы знаменитый скотовод?

– Я физик, – сказал Димка, как бы оправдываясь, – я работаю в университете. В Хьюстоне. У нас... хороший университет.

– У ва-ас?

– Тань, что ты к нему привязалась?

– Я не привязалась. Возьмите меня на работу в штат Техас, Дмитрий. Я тоже буду ученым. Или скотоводом, мне все равно.

Димка вежливо молчал.

– Васька будет ходить в американскую школу, выучится говорить по-английски, я найму ему беби-ситера, и его никто не побьет в подъезде, не заберет в армию и не убьет в Чечне.

– Дим, тебе молоко или сливки?

– Ничего не нужно, спасибо.

– В Техасе не пьют с молоком?

– Кто-то пьет, – ответил Димка и улыбнулся, – кто-то не пьет. Я не пью. Я еще в Москве... не пил с молоком. В Техасе... продолжаю не пить.

– А зачем вы приехали? Привезли на родину гуманитарную помощь?

– Он приехал к родителям, – укоризненно произнесла Варвара и за Димкиной спиной погрозила подруге лопаткой с куцей ручкой, – я тебе рассказывала. Лидия Владимировна и Евгений Васильевич. Они живут в соседнем подъезде.

– Что ж вы родителей в соседнем подъезде бросили, а сами в Техас укатили, Дмитрий?

Димка, прикрываясь кружкой, испуганно на нее косился.

– Вообще-то пока они не собираются переезжать, – сказал он осторожно, – но надеюсь, что в будущем сумею их уговорить. Уговорить моих родителей переехать, да еще за границу – непросто. А вы... кто?

– Я? – переспросила Таня. – А я подруга Варвары. Меня зовут Таня. А вы кто?

– Нет, я не в этом смысле. Где вы работаете, наверное, так нужно спросить.

– Я работаю в поликлинике. Врачом на приеме.

– Моя мама тоже врач, – с неуместной американской радостью сообщил Димка, как будто делал Тане подарок, – она отличный врач, работает в военном госпитале. Имени... имени Буденного.

– Имени Бурденко, – поправила Таня и впервые улыбнулась человеческой улыбкой.

– Да, – торопливо согласился Димка и покраснел, – конечно, имени Бурденко. Варвара, можно я еще раз позвоню?

– Ну конечно! – И как только он вышел, снова чуть не задев головой красную тыкву, Варвара накинулась на Таню: – Что это ты к нему привязалась со скотоводом каким-то?! Чего тебе от него надо? Какая тебе разница, в Техасе или в Канзасе?!

– Ничего мне от него не надо, – сердито зашипела в ответ Таня, – просто он в Америке живет и думает, что тут его все ждут с распростертыми объятиями!..

– Да его и ждут! Родители ждут! И я его люблю, и тоже с распростертыми объятиями...

– Тогда выходи за него замуж и вали в Америку! В штат Техас!..

– Да при чем тут замуж?! Он никогда мне не предлагал замуж, да я и не пойду! А ты лучше доедай и давай в свою поликлинику! На прием.

– Елки-палки! – вскрикнула Таня, глянув на крошечные часики, обвившие пухлое запястье, и стала, обжигаясь, глотать кофе. – Время-то!..

– Вот-вот. Если он сейчас не дозвонится, придется мне на работу не ходить, – добавила она озабоченно. – Я же его одного не брошу в пустой квартире! Он, небось, десять часов летел...

– Тринадцать, – поправил Димка из дверного проема, – я сначала до Нью-Йорка летел. Три с половиной часа. А потом из Нью-Йорка до Москвы. Родителей нет. А записная книжка с маминым рабочим телефоном осталась... в Америке.

– Господи ты боже мой... – фыркнула Таня не очень громко, но так, чтобы он расслышал. Варвара пнула ее в плечо.

– Но из-за меня не надо оставаться дома. Если ты разрешишь, я бы поспал немного. В самолете я не спал. Я плохо переношу самолет.

– В следующий раз езжайте поездом, – посоветовала Таня, споласкивая свою кружку. – Варвара, ты как хочешь, а я уйду. Я с утра на вызовах, а потом на приеме.

– Ты тоже уходи, – сказал Димка Варваре, – если я дозвонюсь до родителей, я пойду домой.

– И оставите квартиру открытой! Здесь вам не Америка, штат Техас, Дмитрий!

– Тань, да что такое!.. Отстань ты от него!.. Дим, я тебе оставляю запасные ключи и номер своего рабочего телефона. Если объявятся Лидия Владимировна или Евгений Васильевич, ты мне позвони и уходи, только дверь запри. А я после работы к вам зайду.

– О'кей, – радостно согласился Димка. Ему было приятно, что все решилось так просто.

Ему всегда было приятней радоваться, чем печалиться. Он улыбался доброй бессмысленной улыбкой, даже когда вовсе незачем было улыбаться. На экзамене по теории функции

комплексной переменной, например. Может быть, поэтому у него не складывались никакие любовные истории – девушки предпочитали романтических, несколько мрачных, «сурьезных» парней. Димкина добродушная физиономия вызывала у девиц недоумение.

– Я постелю тебе на диване! – крикнула Варвара, выгружая из гардероба второй комплект белья. Завтра все это придется стирать, а потом гладить. Варвара ненавидела гладить. Стирать еще туда-сюда, но гладить!..

– Мне не нужно ничего стелить!.. – энергично возразил Димка. – Я так. Под пледом. Я больше люблю под пледом. Я все равно не буду раздеваться, – и покраснел.

Соблюдать политес ради политеса и настаивать, чтобы гость лег «по-человечески», как выражалась бабушка Настя, Варвара не стала. Какой еще политес, когда десять лет назад в холодном и мрачном коричневом коридоре она засовывала себе в лифчик контрольную, которую он благородно вынес из триста четырнадцатой аудитории, где всегда проходили экзамены по физике!

– Димка, тогда устраивайся, как хочешь. Кофе в банке. Банка на полке.

– А полка?..

– Над плитой. В холодильнике колбаса и сыр. Хлеба, по-моему, нет, но остались оладьи.

– Я их уже съел.

– Молодец.

– Варвара, я ухожу!.. Закрой за мной! – орала Таня из прихожей.

– Подожди меня!

– Я не могу, я и так опаздываю! Привет штату Канзас, Дмитрий!

– Техас, – поправил Димка себе под нос и проворно убрался на кухню.

– До свидания, Дмитрий! – крикнула Танька во все горло. Шубейка на груди застегивалась плохо, Танька задирала подбородок и пыхла. – Когда купите ранчо и станете знаменитым скотоводом, не забудьте про меня!

– Дим, не обращай на нее внимания, – велела Варвара, ногой прихлопнув дверь. За тонкой стенкой загудел лифт, бабахнули створки. – Не знаю, что на нее нашло. Устала, что ли?..

– У нее... много работы?

– Да при чем тут работа!.. Слушай, я забыла, что еще есть сосиски. Если проголодаешься, свари себе сосиску. Или две. Или сколько хочешь... Ей просто очень трудно. Денег почти нет, мама болела весь прошлый год, Васька от рук отбился, с мужем развелась... Димка, а ты не женился в своей Америке?

– Нет, – быстро ответил Димка, – это странно, но там не на ком жениться.

– Народу мало?

– Народу много. Жениться не на ком.

– Ладно, ты мне потом расскажешь. А то я опаздываю.

– Это я тебя задержал.

– Ты тут ни при чем! Просто у меня шеф придурочный. По секундомеру засекает, кто на сколько опоздал. Господи, я совсем забыла про пальто!.. Димка, вытащи стрелянку! У тебя за спиной в шкафу, справа! Димка, пожалуйста!..

Димка выволок стрелянку, и Варвара проворно воздвиглась на нее. Димка поддерживал шаткую алюминиевую конструкцию и наблюдал с интересом.

– Что ты там ищешь?

– Куртку. Пальто вчера сильно вымокло и очень грязное спереди. Я упала. А куртку осенью засунула не помню куда... – Поднатужившись, Варвара потянула на себя тюк, по виду напоминавший куртку. Тюк не поддавался, она приналегла, Димка шевельнулся, и подлый тюк немедленно вывалился ему на голову. Прямо на Димкиной голове он развалился на мягкие неровные части и оказался никакой не курткой, а двумя подушками, побольше и поменьше,

увязанными цветастой простыней. Варвара держала их для ночевки каких-нибудь неожиданных гостей.

Кроме Тани с Васей, у нее никогда никто не ночевал, а для них подушки и внизу были.

– Ч-черт!..

– Может, ты пойдешь в моей? – предложил снизу Димка. – По крайней мере ее не надо искать.

– В твоей куртке?! – изумилась Варвара.

– Ну да. Все равно я не собираюсь никуда... выходить. Конечно, она тебе не по размеру, но я думаю, что это лучше, чем...

– А когда Лидия Владимировна вернется с работы и ты пойдешь домой?..

– Я пойду в соседний подъезд, а не за сто миль! И у меня есть еще один свитер! Слезай, Варвара. Пока не свалилась мне на голову.

Варвара глянула в плотно утрамбованную стену вещей, составленную из тюков, как будто из кирпичей. Чтобы разобрать эту стену или хотя бы пробить в ней брешь, понадобится несколько часов шахтерского труда, а она и так опаздывала на работу!..

– Спасибо, Димка! Клянусь, что верну тебе куртку в целости и сохранности. Стремянку задвинь обратно. Я тебе позвоню после обеда, а сейчас ты бы лег спать, после всех перелетов!..

– Да. Только сварю себе кофе.

Его куртка, несмотря на огромность, была невесомой, чистой и приятно гладкой внутри. Путаясь в застежках, Варвара нацепила ее и уставилась на себя в зеркало.

По ее мнению, вид у нее стал вполне европейский. Настолько европейский, что даже давешний Иван Александрович и его гнусный шофер ни за что не приняли бы ее за бабу. Если бы у нее еще были брюки – джинсы лучше всего! – и стильные ботинки на толстой подошве, она недавно видела такие в журнале «Космополитен», и белый свитер, и вязанные перчатки, и гладкие блестящие волосы – в «Космополитене» у всех девиц волосы были гладкими и блестящими, – она была бы вполне ничего. Ничуть не хуже Вики Гориной. Нет, хуже, конечно, потому что Вика была быстроногой и стройной, а Варвара...

– Кепку?

Она очнулась, оторвалась от зеркала и схватила непривычно худосочную сумку.

– Что? Какую кепку?

– Я спрашиваю, дать ли тебе еще мою кепку?

– Нет, Дим, спасибо, не нужно. Куртка – прелесть!.. Спасибо. Ты теперь ложись спать, а после обеда я позвоню.

– Может, ты позвонишь до обеда и мы вместе сходим куда-нибудь на ленч?

Примерившись, Варвара чмокнула его в колючую плотную щеку.

– Говорю же, ты совсем оторвался от жизни в своей Америке!.. Какой еще ленч! Спи лучше. Дверь никому не открывай. Лидии Владимировне привет. Пока!

– Пока, – пробормотал Димка, так и не понявший, почему они не могут в обед сходить куда-нибудь поесть.

Варвара подождала, пока за ее спиной щелкнет замок, выскочила из тамбура и нажала кнопку вызова.

Как хорошо, что он приехал! Она даже предположить не могла, что встреча с ним окажется такой радостной, как будто он не просто старый друг, давно и безнадежно живущий своей и очень далекой от Варвары жизнью, а родной, любимый, когда-то потерянный и вновь обретенный человек.

Сегодня вечером она будет пить чай дома у его родителей, и они снова станут смотреть фотографии, и он будет рассказывать о своих успехах, и родители будут переглядываться с веселой гордостью, и это будет так хорошо, так правильно, так приятно!..

А джинсы она себе все-таки купит. Никогда у нее не было джинсов, а теперь она их купит! Конечно, в джинсах она будет совсем не так хороша, как Вика Горина, но все-таки попробовать стоит.

Она опоздала на пятнадцать минут – катастрофа! Шеф давно приехал и на Варварино «доброе утро», произнесенное в селектор срывающимся от спешки и скачков по лестнице голосом, не ответил ничего. То есть совсем ничего.

– Варварочка, что это с вами? – спросила Илария Ветлинская, начальник секретариата. В длинных пальцах – на каждом по бриллиантовому кольцу – она держала бумаги. То ли из-за колец, может, из-за жемчужности гладкой кожи, то ли из-за костюма, который просвечивал за бумагами, – дом Шанель, осенний показ в Париже, – казалось, что она держит никакие не бумаги, а букет белых пионов.

...Почему, черт возьми, пионов?! При чем тут пионы?! Права была бабушка Настя – «беда с девкой».

«То есть со мной. Со мной, с Варварой Лаптевой, а вовсе не с Иларией Ветлинской».

В повседневном общении Иларию необходимо было называть Лара, так она всем велела, как только пришла на работу.

– Со мной все в порядке, Лара. – Варвара проворно повесила в шкаф Димкину куртку, забежала за ширмочку, в «хозяйственный отсек», и включила чайник. – Спасибо. Прошу прощения за опоздание, но ко мне из Америки приехал... друг. Неожиданно.

«Вот так. И пусть знает, что у меня тоже может быть «друг», да еще в Америке».

Илария слегка засмеялась.

– Ну конечно! – обидно сказала она. – Я даже собиралась вам звонить на мобильный, чтобы выяснить, где это вы пропали, а потом вспомнила, что у вас нет мобильного.

– Нет, – согласилась Варвара.

– Очень жаль. Вы уже готовы работать? У меня куча дел, я не могу весь день просидеть на вашем месте.

«Ты доставила мне массу неудобств, – вот что это означало. – Ты опоздала – да, да, на целых пятнадцать, нет, почти шестнадцать минут и заставила меня заниматься твоими делами! Можешь начинать оправдываться. Я твоя начальница и еще подумаю, принять твои оправдания или нет».

Оправдываться Варвара не стала.

Может, потому что сегодня утром к ней приехал из Америки Димка, может, потому что всю дорогу она чувствовала себя необыкновенно стильной в его куртке или потому что знала совершенно точно: Илария торчала в приемной вовсе не для того, чтобы грудью закрыть амбразуру – пустующее секретарское кресло, – а для того, чтобы лишний раз оказаться в непосредственной близости к шефу.

У них были «особые отношения», о чем офис был оповещен через час после того, как эти «особые отношения» случились, и Илария в личных интересах всячески поддерживала и укрепляла шефа в осознании необходимости именно *таких отношений*.

На слове «таких» следовало многозначительно закатывать глаза.

Все офисные дамы послушно закатывали, только одна Варвара не закатывала.

Шеф ей не нравился. Он был склочный, мелочный, высокомерный, себялюбивый, не слишком профессиональный, очень амбициозный молодой человек «из новых». Как все ему подобные, он не имел никакого понятия о деле, которым занимался, зато хорошо разбирался в марках машин, с невероятной дотошностью одевался, душился, стригся, посещал только «правильные места» в компании «правильных» женщин, шпынял сотрудников – исключительно потому, что тоже считал это «правильным». Варваре казалось, что и с Иларией он спал только потому, что и в этом усматривал что-то «правильное» – для каких же еще целей нужна началь-

ница секретариата, если секретариат состоит из одной Варвары, которая вполне справлялась и без начальницы!

– Хотите кофе, Лара? – предложила Варвара. – Я сейчас сварю.

– Владислава давно сварила, – сухо проинформировала Варвару начальница, – шеф не может полдня просидеть без кофе!

– Пятнадцать минут, – себе под нос пробормотала Варвара.

– Что? – переспросила Илария от двери и слегка повела соболиной бровью.

– Он не пьет с сахаром, – сказала Варвара громко.

– Я отлично это знаю. И Владислава тоже.

Владиславой звали «помощницу по хозяйству», и она приходилась Иларии лучшей подругой. Она приходила обычно к одиннадцати часам, варила шефу супчик, стряпала котлетки, или мясное рагу, или отварного судака, подавала обед и часа в четыре уходила. «Помощница» была изобретением Иларии – не может же начальник есть вместе с подчиненными в корпоративном буфете! Шеф, который раньше не знал, что он «не может», моментально решил, что это тоже «правильно», и с тех пор получал свою миску в кабинете.

Как известно, самое большое влияние на сильных мира сего имеют те, кто их стрижет, бреет, меряет давление и лечит любимого пуделя. Владислава тотчас же по приходе, можно сказать, между первой тарелкой супа и первым куском тушеного мяса, приобрела невиданный кредит доверия, свободный доступ в кабинет и прочие блага приближенной к трону и потому стала всем нужна. За ней ухаживали, ее боялись, ей угождали, почти на равных с Иларией.

Варвара была уверена, что, несмотря на то что они жарко и нежно целуются при встрече, щебечут по телефону, меняются бриллиантами – «я во всем этом уже была, одолжи мне «Картье» к черному платью!» – очень скоро Илария Владиславу вышвырнет и больше никогда о ней не вспомнит.

Зачем делиться, если можно не делиться? Владислава свое дело сделала, убедила шефа в том, что начальница секретариата печется о нем, как мать родная, и достаточно.

Варвара старалась не думать, когда же Илария вышвырнет ее саму.

...А может, и не вышвырнет. По крайней мере, на Варвару шеф не обращает никакого внимания. Даже не смотрит в ее сторону. Даже глаз не поднимает, когда она кладет ему под нос бумаги. Даже голову не поворачивает, когда проходит мимо. А придет какая-нибудь с ногами от ушей, и что тогда будет делать Илария?

– Через три минуты приедет курьер из «Олимпа», – сообщила Илария уже почти из коридора, – вы должны отдать ему подписанные договоры. Вы помните об этом, Варварочка?

Варварочка никогда и ни о чем не забывала, но начальница находила нужным все время ей о чем-нибудь напоминать.

– Помню, Лара. Больше ничего не надо, только договоры?

Илария понятия не имела, надо или не надо. Для нее работа состояла вовсе не в том, чтобы утруждать себя тем, что «надо», а что «не надо». Самое главное – правильно сыграть. Обойти соперниц и избавиться от соперников. Заставить себя бояться. Заставить с собой считаться. Заставить шефа поверить, что без нее он – нуль, пустое место.

А работа... при чем тут работа? Какая разница, где работать? Главное, работать правильно.

На столе пискнул селектор, и Варвара в панике уставилась на него. Злобный красный глаз вызова загорелся на кнопке под названием «начальник секретариата» и горел довольно долго. Варвара подумала было, что, может, обойдется, но тут загорелась кнопка под названием «приемная». – Слушаю, Альберт Анатольевич.

– Вы на месте? – спросил из селектора невидимый и очень недовольный шеф, как будто она могла отвечать не из приемной, а откуда-то еще.

– Да.

– Почта, – буркнул шеф, и кнопка погасла. Это означало, что Варвара должна принести почту.

Какую еще почту?! Он никогда не смотрел почту раньше семи часов вечера!

Варвара посмотрела на часы. Курьер из «Олимпа» уже должен быть внизу. Подумав, она подошла к богатой полированной двери в начальничий кабинет и осторожно заглянула.

– Альберт Анатольевич, почты еще нет, – пропищала она, страшась войти. – Я сейчас спущусь в управление делами и потороплю их.

– Да, – отрывисто сказал шеф, не глядя на нее, – поторопите.

Она стала задом отступать за дверь, когда он неожиданно поднял на нее утомленные глаза.

– Я попросил бы вас, – заявил он и неприятно потянул носом воздух, – чтобы вы прекратили болтать в курилках о вчерашнем... вчерашней неприятной истории.

Варвара вытаращила глаза.

Она болтает в курилках?!

– Я не болтаю, – произнесла она растерянно, – я вообще ни с кем из сотрудников ничего не...

– Будьте любезны, – перебил он, – у нас много работы, и я не желаю, чтобы мои подчиненные мусолили эту тему. Вам ясно?

– Да, Альберт Анатольевич.

Чтобы подчиненные не мусолили, хорошо было бы их срочно расстрелять. Только это смогло бы удержать их от «обмусоливания». Варвара еще не видела никого, кроме Илarii, но была твердо убеждена, что все только и говорят о вчерашней «неприятной истории», как шеф поименовал труп в собственном кабинете.

«Может, он как раз и предлагает мне их расстрелять, – подумала Варвара, приятно улыбаясь в сторону шефа и отступая, – просто выражается так... культурно? Иначе зачем говорить, что это я обсуждаю «историю» в курилках?»

Варвара выскочила из кабинета, скатилась на один пролет чистой мраморной лестницы и, громко топая от усердия, ворвалась в отсек управления делами.

– Ольга, привет, – возвестила она, влетая к начальнице этого самого управления, – мой-то совсем умом повредился! Почту требует!

– Сейчас?!

– Ну да. Сию минуту. Готова?

– Варь, какая почта в пол-одиннадцатого?! – растерянno спросила управляющая. – Председатель еще ничего не расписывал, это в смысле вчерашнюю, а сегодняшнюю я ему не докладывала еще. Вот газеты ваши пришли и журнал один, можешь забрать, а больше ничего пока нет.

– Заявление есть на отпуск, – сказала из-за перегородки невидимая Наташа Минаева, – по новым правилам их генеральный подписывает. Заберешь?

– Заберу, – пообещала Варвара, – девочки, у вас ничего нет в «Олимп»? От них курьер приехал, можно попросить, чтобы забрал.

Управляющая переглянулась с возникшей на пороге Наташей.

– Так. Сейчас я подумаю. Кадровые приказы мы им отправили, по газете были какие-то распоряжения, но они в «Олимп» не расписаны... А чей курьер?

– Их генерального.

– Письма! – вскрикнула Наташа торжествующе. – Ольга Михайловна, вчера же письма им председатель расписал! Одно из Томска, а второе откуда-то...

– Из Краснодара, точно, – управляющая проворно побежала к шкафу и выудила из него два громадных помятых конверта, – на, Варь. Это как раз их генеральному. Что-то там по местным станциям, я не смотрела. Спасибо, что напомнила.

Варвара была рада, что услужила такой могущественной структуре, как управление делами. Секретариат находился в подчинении управления, так что и она сама, и Илария Ветлинская подчинялись Ольге Громовой, и как раз ей Варвара только что угодила, избавив от необходимости посылать сотрудника в дальнюю даль, на Мичуринский проспект, в компанию «Олимп».

Знакомый курьер скучал в кресле у низкого стеклянного столика, и Варвара, подходя, издали ему улыбнулась. Какой-то человек, разговаривавший по внутреннему телефону, повернулся и внимательно на нее посмотрел. Она не обратила внимания.

– Вот, – сказала Варвара, протягивая толстую папку, – здесь договоры и два письма. Из управления делами передали. Нам есть что-нибудь?

– Вам тоже договоры, – ответил курьер весело, – письма кому? Генеральному?

Варвара кивнула.

– Хорошо. Слушай, Варь, а правду говорят, что у вас вчера какого-то чувака застрелили?

Варвара оглянулась по сторонам, словно ожидала, что сейчас из-за колонны выскочит шеф и уличит ее в том, что она обсуждает «это» с сотрудниками. Впрочем, курьер был чужой сотрудник.

Интересно, а с чужими «это» можно обсуждать?

– Он сам помер, – проинформировала его Варвара и придвинулась поближе, – в кабинете у шефа. Я вошла, а он уже мертвый.

– Сам застрелился? – поразился курьер.

– Да не стрелялся он, Толик! Он умер. Врачи со «Скорой» сказали, что у него что-то там с мозгом. С сосудами, что ли...

– Сосу-уды?! – обиженно протянул курьер Толик. – А мы решили, что...

– Нет, Толик, неправильно вы решили.

– А у нас только и говорят, что теперь Альберта посадят за убийство. Ну, потому, что это он того... уколошил.

– Толик, это чушь! – внушительно сказала Варвара и поправила под мышкой у курьера свою папку. На улице шел снег, и Варвара переживала, что договоры промокнут. – Альберта вообще в кабинете не было. Я в приемной была, когда тот помер. Не Альберт, а посетитель.

– Лучше бы Альберт, – вдруг на ухо ей быстро сказал курьер, и она хихикнула. Приятно было, что шеф никому не нравится, не только ей одной. – Покуришь со мной, Варвара?

– Не могу, он почту ждет, злой как собака. Пока, Толь. Я в ваше управление делами позвоню, если завтра будут бумаги.

Курьер сунул ей под нос ведомость, где следовало расписаться.

– Варь, поставь время на полчаса попозже, а? Я уже в трех местах был, мне бы домой заскочить минут на двадцать, учебники забрать. Сессия скоро...

– Сессия летом, – сказала Варвара, – а зимняя прошла давно, чтоб ты знал.

Она посмотрела на часы и поставила время 11.10, хотя было только половина.

– Спасибо, Варь, – поблагодарил ее Толик, – всегда выручишь.

Он натянул кепку на заливчатские студенческие вихры, изобразил воздушный поцелуй и ушел за стеклянные двери, в утренний московский уличный шум. Варвара ему позавидовала.

Хорошо быть курьером! Ездишь себе в разные места, книжицу почитываешь по дороге, посвистываешь, мечтаешь, ни за что не отвечаешь, не думаешь ни о чем, не страшишься никаких взбучек, не отлавливаешь на лице у шефа признака недовольства или раздражения – твое дело маленькое, ты бумаги привез, закорючку получил и дальше поехал.

Надо бежать. Крутов сидит там один, злой и раздраженный, и ждет почту, которой нет. Надо бежать.

Проводив ее глазами, человек вернул трубку на пластмассовые телефонные уши, вынырнул из круглой стеклянной кабинки и деловой походкой вышел на крыльцо. Машина, приткнутая к сугробу, еще не успела остыть – снег на капоте таял, растекался неровными лужицами.

Мужчина сел на водительское место и захлопнул за собой дверь. И посмотрел в зеркало заднего вида.

Прошуршала газета.

– Ну что?

– Она. Вчерашняя.

Газета снова прошуршала.

– Черт бы ее побрал. Поехали, Витя.

День прошел как-то странно.

Несколько раз Варвара звонила Димке, но трубку никто не брал – то ли он спал крепко, то ли убежал домой. Лидии Владимировне она тоже позвонила, но и там никто не подошел.

Илария, прибыв из очередного круиза по компании, подобрала на ковре связку Варвариных ключей и вернула ей.

– Надо следить за своими вещами, Варварочка! Вы не дома. Что это такое – кругом разбросаны ваши вещи!

Шеф не показывался, а когда Варвара сунулась было с кофе, махнул на нее бледной ручкой в накрахмаленной белоснежной манжете. И про почту, о которой так переживал поначалу, не спрашивал.

С середины дня у него в кабинете засела начальница секретариата и принялась в хвост и в гриву гонять Варвару – «Варварочка, у меня на столе синяя папка, принесите, пожалуйста... Теперь еще желтую. Сходите в юридическую дирекцию. У них должен быть договор на покупку сериала у «Эн-би-си». Как нет? Ах да, он на визировании... Еще кофе, пожалуйста. Спасибо, но, пожалуй, лучше чай. Хорошо, но лучше зеленый».

Это случалось каждый раз, когда Илария надолго устраивалась в его кабинете. Варвара даже присесть не могла – только носилась по компании и по приемной то с документами, то с чашками, то с пепельницами. В этот раз Илария уgomонилась как-то на редкость быстро. Варвара сидела за столом, неотрывно глядя на селектор, но красная кнопка не зажигалась – странное дело.

Зашла Людка Галкина и только было открыла рот, как Варвара из-под стола показала ей кулак.

– Ты что? – изумилась Людка.

– Вчерашнее происшествие не обсуждаем. Шеф запретил.

– Да ла-адно!.. Его же сейчас здесь нет.

– Есть, – сказала Варвара и показала глазами на селектор, – на месте сидит. С Иларией.

– Он все равно не слышит.

– А кто его знает, слышит он или не слышит.

– Варь, ну правда, ну я хотела спросить... – заныла Людка, но неумолимая Варвара немедленно полезла в стол, достала какие-то никому не нужные бумаги и принялась неистово их изучать.

Людка потопталась некоторое время, а потом заявила:

– Ну и как хочешь, – и ушла.

Варвара независимо посмотрела в закрывшуюся дверь и сунула бумаги в стол.

Не будет она ничего обсуждать, раз шеф так... болезненно к этому отнесся! Он и так ее еле выносит, а если уж она перестанет указания выполнять, тогда все, пиши пропало! Еще, не дай бог, уволит. Что она станет делать, если шеф ее уволит?!

Почему он так беспокоится из-за смерти Петра Борисовича Лиго? Или тоже догадался, что с его смертью дело нечисто? Или он сам все подстроил?! Если сам, тогда получается, что Варварин шеф – убийца. Ну, то есть не такой киношный убийца, в маске с дырками для глаз и двумя пистолетами за ремнем камуфляжной формы, а другой. Заказчик, если Варвара правильно разбирается в терминологии.

Она подперла рукой пухлую щеку и стала смотреть в компьютер.

Нет, это какая-то ерунда. Если шеф – заказчик, значит, он «заказал», чтобы Петра Борисовича прикончили в его кабинете. Зачем? Зачем приканчивать его в кабинете, если вполне можно было прикончить его на улице, и никто никогда не связал бы смерть случайного прохожего с Альбертом Крутовым. Смерть Петра Борисовича в кабинете у шефа неизменно повлечет за собой – и уже повлекла – разговоры, толки, слухи, сплетни, и шефу теперь от них не избавиться много лет. Еще бы – прямо в кабинете, прямо среди бела дня настоящий труп! Хорошо, что пока в газетах ничего не напечатали.

Впрочем, все впереди. Конкурентов у медиа-холдинга «Московское время» полно, а темка для «журналистского расследования» вполне подходящая, особенно если у Петра Борисовича остались жена и семеро козлят, один другого меньше. Их наличие придает любому «журналистскому расследованию» остроту и пикантность.

Итак, у шефа от кончины Петра Борисовича прямо в его кабинете – одни проблемы. Выходит, не шеф его «заказал». Впрочем, Варвара была совершенно уверена: ни на что подобное шеф вообще не способен. Он был трусливый, преуспевающий, хлипкий московский барчонок, орущий на секретарей и швыряющий об пол дорогие ручки.

Да его и не было в кабинете, когда Петр Борисович преставился. Попасть в кабинет можно только через приемную, в которой неотлучно пребывала Варвара, а потом к ней еще присоединилась Людка Галкина.

Зачем шеф сказал, что посетитель решил поработать на компьютере? Почему он «работал» на компьютере, даже не включив его в сеть? От чего на самом деле умер Петр Борисович Лиго? Кто и когда открыл в кабинете окно?

Варвара закрыла глаза.

Кабинет огромный, глухой и теплый, в «новом» духе: подвесные потолки, сложный свет – светятся стены, и из потолка тоже исходит сияние, как в райской обители из облаков, – золоченая мебель, которую Варвара искренне считала верхом безвкусицы, а оказалось, что это шедевр какого-то итальянского мебельного зодчего. Стоил шедевр как годовой бюджет средних размеров автономного округа. Настольная лампа с «хрусталиками», безделушки от Тиффани, безделушки от Кензо, безделушки еще от кого-то, три черных телевизионных квадрата – суперплоский экран, «тау-гига» или что-то в этом роде – сладострастно изогнутая оттоманка, приглушенно зеленоватые стены. Когда делали ремонт, дизайнер особенно гордился внедрением в кабинет этого зеленоватого цвета. Он – цвет, а не дизайнер – назывался «гнездышко ржанки».

Если бы Варвара не знала совершенно точно, что в этом кабинете молодой мужик руководит делами огромного холдинга, она бы подумала, что «гнездышко ржанки» принадлежит ну, скажем, экзальтированной и утонченной содержательнице журнала «Он и Она».

На окнах очень неудобные витые золотые ручки. Открыть окно так, как это делают все – то есть подойти, повернуть ручку и потянуть створку, – нельзя. Нужно долго и упорно экспериментировать, поворачивая ее то так, то эдак, ибо при повороте золотого завитка на определенное количество градусов, створка открывается то сверху, то снизу, то справа, то слева, то наискосок, то вообще выпадает на голову открывающему. Так как обычные стеклопакеты шефу не подходили – они оскорбили бы собой красоту «гнездышка ржанки», – а подходящие открыть было нельзя, поэтому со времен окончания ремонта окна вообще не открывали, спасались кондиционером.

Кто открыл окно, когда покойный Петр Борисович работал на компьютере, отключенном от сети? И, главное, зачем он это сделал?!

В приемную заглянул программист Игнат Бражников. Варвара ему кивнула, и он немедленно вдвинулся поглубже.

– Ну, как сегодня? – спросил он полушепотом. – Трупов не было?

– Про трупы не разговариваю, – проинформировала его Варвара и показала глазами на селектор, – запрещено.

– Да ну? – удивился Игнат. – У нас все только про труп и говорят. Ну, правда, Варь, так и неизвестно, от чего преставился-то?

– Да еще вчера было известно! – зашипела Варвара. – Они сразу сказали, те, которые на «Скорой» приехали. Сосуды, спазмы и все такое.

Про окно и компьютер она решила не упоминать.

Игнат изучающе посмотрел на нее, но она таращила правдивые глаза так, что сразу было ясно – больше ничего он от нее не добьется.

– Ты сегодня допоздна?

– Как обычно. Если ничего не стряется, часов до семи, до полвосьмого.

– Дай журналчик, – подхалимским голосом попросил Игнат. – Пришел? Я ведь знаю, что пришел!

Журнал «Компьюлэнд» приносили в компьютерный отдел – один на всех программистов, и к ним в приемную – один на одного шефа. Шеф никогда его не читал, но выписывал, потому что интересоваться компьютерами было «правильно», и у него на столе время от времени должно было лежать какое-нибудь сложное и современное чтиво – по маркетингу и рекламе или по компьютерам, к примеру. Чаще всего шеф забывал разложить чтиво на столе, но иногда вспоминал, и тогда пиши пропало, если журналов не оказывалось в приемной.

– Ничего не дам, – сухо сказала Варвара, – он только вчера пришел, шутишь, что ли!

– Да я верну! – горячо уверил ее Игнат. – Правда верну! У нас его уже сперли. Вчера был, а сегодня нет.

– А если шефу понадобится?

– Ну, соврешь что-нибудь! Скажешь, что не приносили, а сама позвонишь мне, и я верну. Сразу же. Клянусь.

– Знаю я ваши клятвы, – произнесла Варвара тоном ворчливой старухи, которая не в силах ни в чем отказать проказнику-внуку, и вытащила из ниши журнал, – только на самом деле верни, Игнат. Или я больше никогда...

– Конечно! – Он проворно схватил его, опасаясь, что она передумает, наклонился и галантно чмокнул ей руку. – Твой навеки. Навеки твой.

Варвара засмушалась, покраснелась, потянула руку, хотя все это было просто игрой, ничего не означающей, милой и приятной, и тут раздался ледяной, как панцирь Антарктиды, голос начальника секретариата Иларии Ветлинской:

– Что здесь происходит? В чем дело, Варварочка?

Игнат отскочил от нее, с детсадовской старательностью пряча за спину добытый журнал, и бочком стал подвигаться к выходу из приемной.

Илария стояла у дверей кабинета, и вид у нее был столь же выразительный, как и голос.

– Альберт Анатольевич с утра ждет почту, – проинформировала она Варвару, как только за Игнатом закрылась дверь. – Я, конечно, понимаю, что вам не до этого...

– Почты нет, – выпалила Варвара, – ее не бывает раньше пяти, Лара. С утра приходят только газеты. Я принесла.

Начальнику секретариата полагалось знать, во сколько приходит почта. Собственно, это и есть главное, что полагается знать начальнику секретариата. Если человек не знает, во сколько приходит почта, значит, он никакой не начальник секретариата.

Варвара преданно, не отрываясь, смотрела на начальницу.

– Зайдите в кабинет, – велела та, – Альберт Анатольевич вас ждет. Владислава пришла?

– Еще нет, – Варвара вскочила, одернула кофту, встряхнулась, повела шеей – в общем, проделала все то, что проделывал, завидев приближающегося капитана, дневальный по роте в недавнем фильме «Граница. Таящийся роман».

Илария с усмешкой проводила глазами неуклюжую секретаршу. Для нее, Иларии, шеф был «дуся» – произносить, выпячивая вперед губки, словно бы в насмешку над тем, кто произносит это всерьез, но все же с изрядной долей нежности, – и ей в голову не приходило одергивать на себе пиджак перед тем, как войти в его приемную.

– Да, Альберт Анатольевич. – В руках у Варвары был блокнот. Шеф любил, чтобы секретарь заходила с блокнотом – как бы для записи ценных указаний.

Шеф голову в ее сторону не повернул, но неприятно потянул носом – так, чтобы она слышала. Конечно, она слышала.

– Ну вот что, – произнес он раздраженным фальцетом, – завтра вы уезжаете в Чехию.

– Простите?

– Если вы плохо слышите, купите себе слуховой аппарат, – проговорил шеф. – Вы едете в Чехию. Завтра. Вернетесь во вторник. Лара отдаст вам конверт, который вы должны будете передать по указанному адресу. Билет в международной дирекции.

– Альберт Анатольевич, я не... – забормотала Варвара, и шеф поднял на нее глаза. Кажется, он едва сдерживался, чтобы не бросить в нее хрустальный спиритический шар – безделушку от Павла Глобы.

– Я непонятно говорю? – осведомился он любезно. – Быть может, на иностранном языке? Или у вас приступ отупения?

– У меня... нет приступа, – выговорила Варвара, чувствуя, как разгораются щеки, – я просто никак не могу взять в толк...

– Господи, да почему же вокруг меня такая тупость?! – возопил шеф, обращаясь к настольному прибору – безделушке от «Давыдовф». – Вы. Летите. В Чехию. Завтра. Утренним рейсом. В Карловы Вары. Вам. Нужно. Отнести. Конверт. По адресу. Конверт. У Иларии. – Теперь он говорил с паузами и смотрел на Варвару с отвращением. – Вам все еще непонятно?

Варваре было ничего не понятно, но она уверила его, что вот теперь-то наконец все ясно.

– Не забудьте паспорт в международной дирекции, – сказал шеф, когда она отступала к двери, – на границе нужно показывать паспорт. Вы об этом знаете или тоже не знаете?

С той же истовостью Варвара уверила, что она абсолютно все знает про границы, тихонько прикрыла за собой дверь и в тесном и глухом тамбуре взялась за лоб.

Что происходит? Какие еще Карловы Вары?! Что за конверт «по указанному адресу»?!

Она вышла в приемную, зачем-то понюхала альпийскую фиалку на деревянном постаменте и посмотрела на себя в темное стекло книжного шкафа.

Щеки горели, и от этого физиономия казалась вдвое толще, чем на самом деле.

– Поговорили, Варварочка?

Она подскочила как ужаленная.

– Лара, я не совсем поняла. Альберт Анатольевич сказал мне, что завтра я...

– Ну да, – нетерпеливо перебила ее Илария, – завтра вы летите в Карловы Вары. Всего на четыре дня. Что тут такого? Обыкновенная командировка. Если будете соображать быстрее, вы еще успеете в бухгалтерию.

– Зачем?

Илария вздохнула.

– За командировочными, Варварочка. Вы, конечно, женщина состоятельная, но думаю, что вам лучше поторопиться.

– Лара, это какая-то ерунда, – убежденно сказала Варвара, – я никогда в жизни не была за границей. Кроме того, можно послать письмо «быстрой почтой», оно завтра же придет по адресу, и не нужны никакие командировки.

– Альберт Анатольевич решил, что вы поедете, – отчеканила Илария, – что еще за капризы!.. Если бы мне сейчас кто-нибудь предложил поехать за границу на четыре дня, я бы от радости запела. А вы... ломаетесь!

– Я не ломаюсь. – «Господи, кажется, и вправду меня отправляют в Карловы Вары!» – Я просто не понимаю зачем...

– А вот это не нашего ума дело, Варварочка, – сказала Илария как-то так, что стало понятно – ум Иларии ни при чем. Она-то отлично знает – зачем. – Сходите в бухгалтерию и в международную дирекцию. Вика уже звонила и сказала, что виза есть.

«Происходит что-то странное, – думала Варвара, шагая по коридору. – Происходит что-то очень странное».

Вика Горина долго смотрела в компьютер, и пока она смотрела, Варвара пришла к выводу, что все это – глупый розыгрыш.

– Так, – сказала Вика, отрываясь от монитора, – вот бланки. Подпиши, пожалуйста. Фотографию на визу я взяла из твоего личного дела. Искать тебя мне было некогда, я и так в посольство опаздывала. Зайди в кадры к Юрию Ивановичу, он тебе скажет, какие фотографии принести на замену.

– Вик, а что за спешка-то? – осторожно спросила Варвара и приткнулась на заваленный бумагами стул.

– Откуда я знаю! – Вика повела узким плечиком. – Твой вчера распорядился, чтобы бумаги готовили для выезда в Чехию. Срочное дело какое-то у них. А ты что, не знаешь?

– Нет. Мне сказали, что я завтра должна лететь в Чехию, а я понятия не имею...

– Счастливая, – протянула Вика с завистливым вздохом, – мне бы сказали, что я завтра должна лететь... ну хоть в Монголию, я бы от счастья умерла. А ты – в Чехию! Вместо работы!

– Да я не собиралась никуда лететь!..

– Ты еще успеешь собраться, – поняв ее по-своему, ответила Вика, – вот здесь подпиши. Посмотри в Интернете погоду, много барахла не бери. Зонт не забудь. Вот номер рейса, а вот время вылета. Отель «Дворжак». Точно не знаю, но, по-моему, даже четыре звезды. Встречать тебя будет фирма «Евро Ллойд». В зале прилета посмотришь такую табличку. Я вот тут тебе записала.

– А приказ? – не слушая ее, спросила Варвара. – Приказ о командировке уже вышел?

Если приказ есть, значит, поездка планировалась заранее. Если нет – все это чистейшая импровизация.

– Нет приказа. Но ты не волнуйся, твой все подписал. Наверное, уже в управление делами пошло.

Значит, импровизация. Значит, утром, когда Варвара вломилась в управление делами, Ольга Громова еще ничего не знала. Может, с ней поговорить?

– В бухгалтерию зайди, – напутствовала Вика, – прямо сейчас. Пока они не разошлись еще. Если деньги есть, тебе и командировочные сразу дадут.

Что-то подсказывало Варваре, что деньги в бухгалтерии непременно есть и командировочные ей дадут.

Какие Карловы Вары?! Зачем ей лететь в Карловы Вары?!!

Командировочные дали, и совершенно ошеломленная Варвара вернулась на свое место.

– Вот конверт, который вы должны передать, Варварочка, – Илария положила перед ней широкий бумажный пакет. – Улица Московская, двадцать. Вы получите расписку и привезете ее Альберту Анатольевичу. Понятно?

Глядя на конверт, как под гипнозом, Варвара кивнула.

– Ну и хорошо. Я думала, мы с вами никогда не договоримся, – добавила Лара как бы в скобках, – где договор с региональными станциями? У вас?

– Они все разные, – по-прежнему глядя на конверт, пробормотала Варвара, – какой именно вам нужен?

Илария чуть смутилась. Никакой ей не был нужен. Кроме того, она понятия не имела, что они разные.

– Любой, – справившись, ответила она. – Типовой.

– Типовых нет, Лара, – удивленно заявила Варвара и оторвалась, наконец, от конверта, – с каждой станцией специальный договор. Там все разное – цены, время вещания, стоимость рекламы. Все зависит от региона.

Телеканал «ТВТ», входивший в медиа-холдинг «Московское время», продавал свои программы региональным телевещательным станциям. Программы были неплохие, денег у владельцев хватало, и «ТВТ» развивался успешно и «плановмерно», как писалось в аудиторских отчетах. Варвара страшно гордилась, что работает в непосредственной близости к «средствам массовой информации». Можно сказать, прямо в них, в средствах.

– Ну, дайте какой-нибудь, – раздраженно приказала Илария, – я должна почитать.

Варвара поспешно вытащила договор и передала Иларии. Посмотрела в закрывшуюся дверь и вынула заграничный паспорт.

До этого она держала его в руках только один раз – когда получала. Потом сдала в международную дирекцию и забыла о нем. Все равно не было никакой надежды на то, что секретарская зарплата позволит ей отправиться в заграничное путешествие.

В паспорте была ее фотография. Варвара поизучала ее так и эдак. Вроде ничего. Конечно, морда толстая, как у щенка, и неприлично жизнерадостная. И брови серпиками – Леонид Ильич Брежнев времен бестселлера «Целина». Плотные розовые страницы плохо листались, до того были новыми, и Варвара не сразу нашла визу, за которой Вика Горина бегала в посольство. Тем не менее виза была.

И деньги были. Триста долларов – целое состояние.

– Вам какими купюрами, – спросил кассир Семен Прокопьевич, – помельче, покрупнее?

Варвара никак не могла решить, каких купюр ей больше хочется, и они сошлись на сто-долларовых.

– Так как-то привычней, – заметил Семен Прокопьевич философски.

Конверт Варвара внимательно ощупала и даже потрясла. Внутри болтались какие-то толстые бумаги.

Что все это значит, черт возьми?!

Конечно, может статься, шеф решил избавиться от надоевшей секретарши навсегда. Тогда завтра на таможне в сумке у нее найдут три килограмма героина общей стоимостью двести тысяч долларов, а в кармане управляемый фугас с отпечатками пальцев Бен Ладена, и остаток жизни она проведет в тюрьме, и больше не будет отравлять шефу жизнь своим гнусным видом.

Только это как-то неправдоподобно. Это очень в духе детективных сериалов, которые Варвара смотрела с удовольствием, и начисто лишено правдоподобия.

Нет. Дело не в управляемом фугасе.

Тогда в чем? Что в конверте? Что-то такое нужно срочно переправить через границу? План секретного торпедного завода? Шифровка «Алекс – Юстасу»?

И шифровка, и план секретного завода были того же порядка, что и три килограмма героина, и, значит, никуда не годились.

Позвонила Ольга Громова и сообщила, что пришел приказ на ее командировку.

– Это очень здорово, – произнесла она с некоторым удивлением, – только я не понимаю, что за спешка. Юрий Иванович сказал, что фотографию на визу из личного дела вытащили. Ты не знаешь, почему так срочно-то?

– А ты? – спросила Варвара. – Не знаешь?

– Нет.

– А я вообще только два часа назад узнала. Я думала, они... шутят так.

– Кто?

– Шеф и Лара, – произнесла Варвара, прикрывшись ладошкой. – Оль, а вообще бывает, что за один день в командировку отправляют, да еще за границу?

– Я не слышала, – подумав, ответила Ольга, – но в любом случае желаю тебе хорошо слетать! Я Карловы Вары люблю больше любой Швейцарии. Обязательно сходи в кофейню. На набережной кофейня – изумительная. Называется «Элефант», чтоб не соврать. Кофе и фруктовый кекс. И в «Чайный дом», это возле отеля «Бристоль»...

– Оля! – взмолилась Варвара, и управляющая засмеялась.

– Ладно, ладно! Да, и гранаты! Там полно гранатов.

– Их едят? – уточнила Варвара, имевшая о гранатах самое смутное представление.

– Их носят на себе! Это камни. Знаменитые чешские гранаты. Купи себе что-нибудь.

Если у тебя мало денег, приходи, я одолжу.

– Спасибо, не надо! – завопила Варвара.

– Нет, правда. Когда ты еще туда попадешь? Я дам тебе денег, а ты отдашь, когда сможешь.

Варвара почти никогда не брала в долг. Отдавалось потом долго и так трудно, что она была уверена – овчинка выделки не стоит. Да и не нужны ей чешские гранаты, смехота какая-то!

– И еще там Европа, – мечтательно добавила управляющая, когда Варвара уверила ее, что денег не надо, – я туда летела по привычке – в соцстрану. А прилетела в буржуазную Европу.

– Оль, а ты не знаешь, где там улица Московская?

– По-моему, на горке, где российское посольство или консульство, что ли. Тебе надо на эту Московскую?

– Ну да.

– Найдешь, – подытожила Ольга, – там места не слишком много.

Загорелась красная лампочка «шеф», и Варвара Ольгу мигом отключила.

– Вы еще на месте? – спросил шеф из селектора. – Вы завтра уезжаете в командировку!

Ответственную. Вы можете идти.

– Спасибо, Альберт Анатольевич.

Уходить немедленно ей не хотелось.

Она знала, что как только за ней закроется дверь, Владислава моментально сядет на ее место, чтобы поиграть на компьютере, и перепутает все бумаги, и перевернет все вверх дном, и набрешет чего-нибудь по телефону, и потеряет почту, которую под вечер принесут из управления делами, и зальет кофе новые приказы, и затрет нужные файлы, и опрокинет лак для ногтей на пилотный выпуск нового сериала, а в сетку вещания на будущую неделю завернет остатки еды для своей собачки. Логичнее было уходить после того, как Владислава, изготoвив свои рагу и куриные грудки, уберется домой.

Через пятнадцать минут шеф снова ее вызвал.

– Я попросил вас уйти домой, – сказал он раздраженно, – вы что, не слышали меня?

– Слышала, – проблеяла Варвара.

– Ну так идите!.. – крикнул шеф и отключился.

Пришлось идти.

– Лара, – заискивающе сказала Варвара, нацепив Димкину куртку. Илария посмотрела с удивлением. Куртка была недешевая и странным образом меняла пухлощековую секретаршу. – Пожалуйста, посмотрите, чтобы бумаги остались на месте. Владислава...

– Владислава ничего не сделает с вашими бумагами! Что вы на самом деле! Ладочка, Лада! – позвала она, и на зов явилась Ладочка в крошечной черной юбочке и черной же кофточке-декольте, обтянувшей стройное тело так туго, что бюст от ужины даже несколько подпирало кверху. Впрочем, очевидно, так и задумывалось.

Варвара покраснела.

Дура.

– Лада, пообещай Варварочке, что не тронешь ее бумаги. Она волнуется.

Прямо на Варвариных глазах Владислава из нейтральной державы превратилась в активно-враждебную. Вот каким первоклассным снайпером была Илария.

– А что? – еще чуть-чуть выставив и без того невозможной красоты бюст, спросила Владислава сексуальным контральто. – Я что-то делаю с ейными бумагами?

Это она всегда так говорила – ихний, ейный. Это ее так в школе научили.

– Нет, нет, – заторопилась Варвара, – все в порядке, просто в прошлый раз вы куда-то сетку вещания переложили. Альберт Анатольевич меня спрашивает, а я не знаю, где она...

Владислава фыркнула, задержала взгляд на новой куртке – Димкиной! – тряхнула платиновыми локонами в стиле Памелы Андерсен и убралась на кухню.

Кухня у шефа тоже была. Стиль назывался «Домино» – черное на черном, белое на белом. Тут «Домино». Там «гнездышко ржанки».

Зачем же ее так спешно отправляют в Карловы Вары? Зачем?! И почему именно туда? И что в конверте, который она должна отнести на улицу Московскую? Может, и вправду какой-нибудь криминал?

Сейчас она приедет домой и все расскажет Димке.

Вот как ей повезло – к ней сегодня утром из Америки прилетел старый друг, и она может разговаривать с ним сколько угодно, не опасаясь, что ему надоест или что ляпнет какую-нибудь глупость. Он старый друг, он простит ей любые глупости, и правильно все поймет, и посоветует что-нибудь умное, он всегда был умнее всех и, уж конечно, умнее Варвары.

Если только ей удастся его разбудить.

Она шла от троллейбусной остановки к своему громадному темному дому с натканными семечками желтых окон и улыбалась.

Конечно, он спит. Он так долго летел, столько часовых поясов пересек, что спать, наверное, будет до завтра. У невыездной – еще в недавнем прошлом! – Варвары было несколько «доколумбовское» представление о мире. Америка представлялась ей лежащей за океанами – пенные валы, белые гребни, созвездие Гончих Псов, скрип мачт, тугие щелчки полотняных парусов, бородатый кок-негодяй, крадущийся ночью по палубе, чтобы насолить молодому капитану и вместо Вальпараисо загнать его, бедолагу, в гнусные африканские болота, в которых засели гнусные африканские работорговцы.

Все еще улыбаясь, Варвара вышла из лифта и обнаружила, что хлипкая коридорная дверца – волнистое матовое стекло, правый уголок выбит – почему-то открыта. Соседка следила за этой дверью во все глаза – в коридоре стояли банки, бесценные банки, прикрытые старым одеялом и пронумерованные, чтоб не сперли!

Варвара вошла в узкий коридорчик и хорошенько захлопнула за собой дверь. Дверь бахнула о косяк и снова медленно отворилась. Варвара опять ее захлопнула, переложив в другую руку пакет с хлебом и молоком. Дверь не закрылась.

Да что это такое, почему она не может дверь закрыть?!

И тут она догадалась посмотреть.

Язычок замка был прихвачен синей изоляционной лентой.

Что за ерунда?!

Может, сосед выносил что-нибудь и прихватил язычок, чтобы дверь не закрылась?

Варвара нетерпеливо отодрала ленту, посмотрела на свою дверь и замерла.

Дверь была открыта.

Сквозняк легонько покачивал ее – туда-сюда. За дверью была чернильная тьма.

Димка? Ушел и не смог закрыть? Оставил по американской привычке квартиру открытой?

Лоб взмок. Варвара вытерла его рукавом куртки.

– Димка, – позвала она в темный проем, – ты спишь? Дима!!

Коридорную дверь дернуло сквозняком, клацнул защелкнувшийся, наконец, замок. Варвара вздрогнула.

– Димка!! – Цепляясь пакетом, она пролезла в свою квартиру и привычно нащупала выключатель на правой стене.

Свет вспыхнул и разогнал чернильную тьму.

– Ди-им!

Он лежал на полу – странно, что она о него не споткнулась. Нога у него была неудобно вывернута, а волосы показались Варваре странно-темными. Еще утром у него были прямые светлые волосы. Она присела и потрогала темное у него на голове. И посмотрела на свою руку.

Темное оказалось красным. На волосах у Димки была кровь.

Таня приехала минут через сорок.

– В чем дело? – строго спросила она своим самым «докторским» голосом и таким же, очень «докторским», движением сняла шапку и шубейку. – Что случилось?

– Не знаю, – ответила Варвара, и губы у нее затряслись.

Таня взглянула искоса и, не разуваясь, прошла в ванную. Зажегся свет, зашумела вода.

– Я не знаю, что случилось! Я приехала, а он лежит. Прямо... здесь. И весь в крови. Я думала, он у... умер.

– Он не умер? – спросила Танька из ванной.

– Я стала звонить в «Скорую». Я звонила полчаса. А мне сказали – какой номер страхового полиса? У него нет страхового полиса. У него полис есть в Америке. Тогда, говорят, пусть в Америке и лечится, а мы не приедем. Танька, я умоляла, я просила, я обещала заплатить!.. А мне говорят – проспите, девушка. И ухажер ваш пусть проспится тоже.

– Прекрати, – приказала Таня, услышав в голосе Варвары неконтролируемое повизгивание, – сначала я его посмотрю, и только потом ты закатаешь истерику.

– Танька, – как в бреду продолжала Варвара, – он лежал в... крови. В темноте. У него волосы потемнели. От крови. Я не могла понять, дышит он или нет. Димка! Я не могла понять, жив он или умер, а они сказали – полис. Если нет полиса, мы на вас даже время тратить не будем. У нас бензин казенный. Хоть сдохните вы все.

– Неправда, – невозмутимо заявила Таня, – так они тебе сказать не могли. А про полис все верно. Есть полис – есть медицинская помощь. Нет полиса – нет помощи. Как во всех цивилизованных странах.

– Я... умоляла. Я... очень просила, – голос у Варвары стал совсем хриплым, – я думала, что они приедут и спасут его. Столько крови!..

– Тихо! – приказала Таня. – Давай пошли. Быстро. И не смей реветь.

Димка лежал на полу в большой комнате – на диван Варвара не смогла его затащить. Он лежал на полу, накрытый клетчатым пледом и коротко и шумно дышал.

Таня встала на четвереньки и заглянула сначала с одной стороны, потом с другой. Потом взяла его руку и подержала. Потом по очереди оттянула каждое веко.

– Да разве это много? – вдруг спросила она. – Ты не видала, когда много, дорогая!

– Че... чего много? – Варваре было так холодно, что зубы беспорядочно стучали друг о друга. Ей казалось, что Таня слышит, как они стучат, и было стыдно.

– Крови, чего, чего! Ее нет почти, а ты говоришь – лужа! Ничего и не лужа. Так, побрызгало чуть-чуть. Посвети мне.

– Как?

– Возьми торшер, – нараспев сказала Танька и заползла с другой стороны, – включи его, наклони и посвети мне. Я ни черта не вижу.

Варвара кинулась исполнять поручение, зацепилась ногой за давешний пакет с хлебом, чуть не упала и стукнулась лбом о косяк.

– Ты полегче, – велела Таня, не отрываясь от Димкиной головы, – я тебя сейчас зашивать не могу.

– Что с ним, а? – Держа торшер за деревянную ногу, Варвара подтащила его поближе и сильно наклонила. – Что с ним, Тань? Это... очень серьезно?

Желтый свет залил запрокинутый Димкин лоб, и Танины руки, и цветастый ковер с узором.

– Так, так, – себе под нос говорила Таня и поворачивала Димкину голову в желтом круге, – оч-чень, оч-чень хорошо.

Димка неожиданно захрипел, дернулся и открыл глаза – совершенно бессмысленные.

– Тихо, тихо, милый, – коленом она прижала его руку, поднявшуюся было, – лежи спокойно. Самое главное не дергайся, не мешай мне, и все будет хорошо.

Варвара вдруг вспомнила, что в прошлом году на каком-то медицинском празднике в поликлинике говорили, что Таня – Татьяна Васильевна – очень хороший врач.

Она хороший врач. Она сейчас все исправит. Она спасет Димку и... вылечит его страшные раны. Ничего. Все обойдется.

– Нужно зашить. Здесь и здесь. Кости целы, насколько я могу судить. Конечно, хорошо бы на рентгене посмотреть, может, трещины, но так, на первый взгляд...

– Варвара?.. – спросил Димка и сделал усилие, чтобы поднять голову. На лбу надулись вены.

– Лежи, лежи!..

– Варвара, возьми его за руку, – скомандовала Таня, – так, чтобы он тебя видел.

Кое-как перехватив торшер, Варвара опустилась на корточки и схватила Димкину руку. Рука была большая и холодная. Варвара подтянула плед повыше.

– Варвара, что... случилось?

Она молчала, стискивала его руку. Танька ползала на карачках у него за головой.

– Это мы у вас хотим спросить, что случилось, дорогой скотовод из Аризоны, – сказала она и повернулась так, что оказалась с ним нос к носу. Димка моргнул, стараясь сфокусировать на ней расплывающийся взгляд. Таня внимательно следила за ним. – Мы пришли, а вы лежите. Что такое?

Димкины губы шевельнулись, и Варвара с изумлением поняла, что он улыбнулся.

– Я увидел привидение, – сообщил Димка, – я увидел привидение, упал и ударился головой о каминную решетку.

– Он шутит, – успокоила Таня всполохнувшуюся Варвару, – насколько я могу судить, он не спятил, а просто шутит.

– Я не спятил, – подтвердил Димка и вдруг быстро сел, задев Таню носом по подбородку.

– Димка!!

– Я же тебе велела его держать!..

– Я держала!..

– Вижу, как ты держала!

– Димка, ляг сейчас же!

Он посмотрел сначала на одну, потом на другую и, кряхтя, поднялся на ноги. И тут же сел на диван, придерживая рукой голову.

– Вы что, осатанели в своей Пенсильвании?! Я вам ясно сказала – лежать!

– Прошу прощения, – выговорил галантный Димка, губы плохо его слушались, – но ничего такого вы мне не говорили.

Таня посмотрела на Варвару, а Варвара – на Таню.

– Так. Принеси мне мою сумку. Поставь воду. Мне надо вскипятить шприц. У тебя есть стерильные бинты?

– Не знаю.

– Дура, – обозлилась Таня, – я тебе в прошлый раз привозила. Пусти, я найду.

– Что случилось? – одновременно спросили друг у друга Димка и Варвара, как только Таня вышла.

– Я приехала с работы, – сказала Варвара, рассматривая бледное лицо с синевой вокруг глаз и проросшей очень светлой щетиной, – дверь открыта. А ты в коридоре на полу. Лежишь. Я... думала, ты... умер.

– Мне пить очень хочется, – заявил Димка и облизнул сизые губы, – можно?

– Сейчас, конечно! Сейчас я принесу, – засуетилась Варвара, – Тань, можно ему попить?

– Да. Я дам.

– Я спал, – сообщил Димка, – и проснулся от того, что открылось окно. Хлопнула створка. Оно, наверное, не было закрыто.

Конечно, оно не было закрыто. Варвара всегда оставляла щель, чтобы проветривалось. Она была поборницей свежего воздуха.

– Я встал. Вышел в коридор. Увидел, что входная дверь тоже открыта. Я думал, это ты пришла...

Он замолчал, потому что вдруг стало страшно.

Он вышел в тесный коридор и увидел клин жидкого света из приоткрытой входной двери. Он нацепил очки, которые держал в руке, потому что без них совсем плохо видел, и тут понял, что не один в тесной прихожей. Шее сбоку стало щекотно, и он знал – это от того, что кто-то рассматривает его из темноты.

Он стоял неподвижно и ждал – *это* сейчас произойдет. Он ждал целую секунду, как будто смотрел, как падает из деревянных пазов лезвие гильотины – прямо в середину его слабой, беззащитной, человеческой шеи, и *он уже ничего не может изменить*.

Стремительное движение, взрыв в голове, и все. Гильотина упала, перебив артерии, вены и сухожилия, и голова покатилась. Отвратительная мертвая человеческая голова с мучительно и постыдно высунутым языком – его собственная.

«Ты никогда не мог за себя постоять, – где-то совсем близко сказала мать, – просто удивительно!»

– Пейте! Вы слышите меня?! Пейте, ну!!

Оказалось, что голова осталась на месте. По крайней мере, с ее помощью ему удалось попить какой-то гадости из широкой белой кружки. Гадость пробила дыру в песке, забившем его горло, и стало можно вздохнуть.

– Что еще за танцы, – произнес сердитый женский голос, – сначала он вскакивает как ошпаренный, потом в обморок валится! Варвара, поддержи.

Что-то происходило вокруг него, и он открыл глаза.

– Ну вот что, – в лицо ему сказала сердитая молодая женщина, – мне надо сделать пару стежков на вашей драгоценной голове. Обезболивающее у меня очень... условное. Я, конечно, побрызгаю, но чудес не ждите. Придется терпеть.

– Я готов.

Таня фыркнула.

– Или связать вас? – с сомнением спросила она и посмотрела на его руки, как будто и вправду собиралась связать. – Варвара, давай его привяжем. Ну хоть к стулу, что ли.

– Не надо меня привязывать, – пробормотал Димка. – Это какое-то сексуальное извращение.

– И не мечтайте даже.

Он бы обязательно покраснел, если бы мог.

– Правда, не надо меня привязывать. Я постараюсь вам не мешать.

– Если вы будете мне мешать, я сама дам вам по голове. Варвара, держи его за руки.

Потом стало очень больно, и это было долго.

Он дышал с присвистом, и ему было стыдно, что он так дышит, как будто специально. Лицо и спина были совсем мокрыми от пота. Мокрыми и холодными.

– Отлично, – сказала Таня. Звякнули какие-то пыточные железки. – Ковбой Мальборо. Можете расслабиться.

Он раздвинул стиснутые челюсти и немножко подышал, стараясь, чтобы это было без позорного свиста.

– Хороший мальчик, – похвалила Таня, – хоть и скотовод.

– Я физик, – пробормотал он. Ее бесцеремонность и навязчивое желание сделать из него скотовода внезапно стали раздражать.

– Ну физик. Варвара, это можно убирать. А это оставь. И чайник поставь!

Димка вдруг понял, что больше всего на свете хочет чаю. Очень горячего, очень крепкого и очень сладкого чаю. Семь кружек. Горло опять стиснуло – так хотелось чаю.

Наверное, он сказал это вслух, потому что Варвара вдруг жалостливо проговорила:

– Сейчас, Димочка, миленький. Сейчас, только вскипит.

На кухне, пока Танька мыла свои инструменты, она осторожно спросила:

– Тань, что мне теперь с ним делать-то? К родителям в таком виде нельзя. Лидию Владимировну инфаркт хватит.

– Да это все пройдет через три дня, – безмятежно отозвалась Таня. Она очень гордилась собой.

Она выполнила сложную операцию в полевых условиях и...

Ну пусть не сложную и пусть не в полевых, но она справилась, она хороший врач, профессионал, помогла «больному» – ловко, красиво, быстро.

Выходит, она тоже чего-то стоит, а это так важно, когда бросил муж, стареют родители, безумствует сын, и язва по ночам сосет все сильнее, и нельзя болеть, потому что без зарплаты – голодная смерть, а впереди ничего, кроме ежедневного приема в поликлинике и сериала «Скорая помощь» по вечерам, где невозможный, обаятельный, шикарный Джордж Клуни одной левой спасает больных, любит роскошных женщин, играет в бейсбол, радуется своим американским радостям и печалится американским печалям.

...И мужа она бросила сама!..

– Слушай, – вдруг сказала рядом как будто очнувшаяся Варвара, – а кто его стукнул по голове?!

Распоясавшийся Джордж Клуни занял все место в Таниной голове, и она не сразу поняла, кто кого стукнул.

– Так, наверное, жулик! – решила она, сообразив. – К тебе в квартиру влез жулик, наварлся на скотовода и дал ему по голове.

– Жулик? – переспросила Варвара с сомнением. – А почему он ничего не взял, этот жулик?

– Что значит – не взял?

– Тань, жулик зачем в квартиру лезет? Чтобы что-нибудь украсть. Димка попался ему на дороге, он дал ему по голове и ушел, да? А красть? Почему он ничего не украл? Димка без сознания был.

– А точно ничего не пропало?

– Не знаю. Ничего. У меня ничего нет. Есть три серебряных кольца. Вот. – Варвара показала растопыренные пальцы с кольцами. – Пальто есть, в собачьей шерсти. Оно на двери висит. Чайник «Тефаль». Телевизор, торшер, ковер. Все на своих местах. Да, еще чашки в серванте. Могу пересчитать.

Таня искоса на нее взглянула.

– Испугался? – предположила она. – Испугался, что наделал дел, и смылся.

Варвара промолчала.

– Тебе бы замки поменять, – предложила Таня серьезно, – как он в квартиру-то попал? Да. Вот черт.

Варвара рванулась в прихожую и зажгла свет. Ей было видно, как Димка на диване разлепил глаза и с усилием повернул голову в ее сторону.

– Ты сиди, сиди!.. – сказала она быстро. – Чай сейчас будет.

– Спасибо, – пробормотал он.

Варвара открыла дверь и внимательно осмотрела замок. Она не знала точно, как должны выглядеть «следы взлома», но была уверена, что сможет их отличить. Замок был в полном порядке. Она повывдвигала и поубирала замковые железки. Они легко выдвигались и убирались.

– Ну что? – с любопытством спросила Танька из-за ее плеча.

– Ничего. Все в порядке. Замок как замок. Работает.

– И что это значит?

– Это значит, что открывали ключом.

– Чьим? Твоим?

Варвара подобрала с пола свою сумку и стала копаться в ней. Копать особенно было нечего – вчера из нее все вытащили, и сегодня утром в ней был только очень неудобный коричневый кошелек, который ей подарили на работе к Восьмому марта, файловая папка с бумагами из международной дирекции, ручка и билет на метро на две поездки. А ключи? Сейчас ключей не было.

Варвара бросила сумку и схватила пакет с хлебом и молоком, так и валявшийся посреди дороги. В пакете ключей тоже не было. И в куртке не было. И в «собачьем» пальто.

– Я утром запираю дверь ключами, – остановившись, пробормотала она, – точно. Я попрощалась с Димкой, велела ему спать и заперла дверь, оставив запасные ключи. На работе мои ключи еще были, я их выронила из сумки, а Илария подняла. Еще замечание сделала! Их могли украсть по дороге домой или где угодно. В метро.

– В троллейбусе, – подсказала Таня.

– На работе. У меня сумка всегда лежит просто так, я никуда ее не убираю, и у нас никогда ничего не пропадало.

– Подожди, не реви. Почему ты решила, что на работе?

– Потому что в троллейбусе никто не знает, где именно я живу! – крикнула Варвара и вытерла глаза. – Или они за мной следили?! Зачем за мной следить, если у меня, – и она снова потрясла у Тани перед носом пухлыми пальцами, – три серебряных кольца и чайник «Тефаль»!.. А на работе все знают!

– И все хотят украсть твои кольца? – спросила Таня с сомнением.

Да. Это было глупо.

– И командировка! – вдруг вспомнила Варвара. – Я же завтра должна ехать в командировку!

– В какую еще командировку?!

Варвара схватила Таню за рукав и поволокла за собой на кухню.

– Меня сегодня днем шеф отправил в командировку.

– В один конец?

– Танька, правда. В Чехию. В Карловы Вары. До вторника. Смотри, вот билет. И еще триста долларов.

Таня пошарила рукой, нашла табурет и опустилась на него, как бы внезапно обессилев. Она не отрываясь смотрела на то, что Варвара держала в руках.

– Я должна передать конверт. – Она проворно выбежала из кухни и вернулась с хлебным пакетом, в котором был конверт. – Улица Московская, дом двадцать.

– Ерунда какая-то, – сказала Танька, рассматривая конверт, – просто глупость, чушь!

Варвара и сама знала, что это «глупость и чушь», но внезапно оскорбилась:

– А почему меня нельзя послать в командировку за границу?

– Да потому что ты никто! – закричала Танька. – Нуль, пустое место! Попка-дурак в приемной! Для заграничных командировок существуют отдельные люди, свои! Зачем посылать тебя, когда можно послать твою Иларию?! Или эту, как ее... Геннадию?!

– Владиславу.

– Какая разница!

– Тань, тебе завидно и хочется поссориться.

От того, что Варвара была права, Таня распалилась еще пуще:

– Иди ты к чертовой матери! Или ты с ним переспала?

– С кем?!

– С начальником!

– Таня, замолчи! Не желаю слушать!

Танька вскочила с табуретки, ринулась в прихожую и стала торопливо натягивать на себя одежду, бормоча «чтоб я еще раз... можно подумать... к чертовой матери...». Варвара смотрела в окно.

Бормотание прекратилось, слышалось только сопение и топтание ног, потом и оно прекратилось, и Варвара оглянулась.

Таня стояла на пороге кухни в шубейке и с шапкой в руке. Вид у нее был задумчивый.

– Тебе нельзя здесь ночевать, – сказала она, – раз ключи пропали, значит, квартиру в любой момент могут открыть. Дали же ему по башке, – она кивнула в сторону комнаты, – и тебе вполне могут. Кто их знает, зачем они сюда лезли?! Может, у тебя в кладовке неизвестное полотно Рембрандта?

– У меня в кладовке швабра.

– Поедем ко мне.

– А Димка?

Таня молча содрала с себя шубейку и приткнула ее на стул вместе с шапкой.

– Вот черт побери, – расстроено сказала она, выставляя на поднос кружки, и искоса взглянула на Варвару, – что ж теперь делать-то?

Варвара достала сахар, вспомнила, что так и не купила ванильных сухарей с изюмом, и жизнь показалась совсем темной и пустой, как продуваемый метелью переулок.

– Ты только не реви, – предупредила Таня быстро, – мы что-нибудь придумаем!

Но что можно придумать, когда украли ключи, ударили по голове несчастного Димку и на работе заварилась какая-то каша, а к чаю нет ванильных сухарей с изюмом и вообще ничего нет!..

В комнате что-то грохнуло, и они посмотрели друг на друга.

– Пошли скорей, может, он теперь в окно выпал, – предположила Таня, – больно шустрый.

Димка не выпал в окно. Свет бил ему в лицо, и он повернул торшер так, чтоб не бил.

– Вот ваш чай. Опять без сахара?

– С сахаром. Если можно.

Таня подала ему кружку и мимоходом потрогала лоб. Температуры, слава богу, не было.

– И во сколько ты летишь?

Варвара моргнула.

– Куда?

– В Карловы Вары, – выговорила Таня презрительно.

– Ты летишь в Карловы Вары? – удивился Димка.

– Это только сегодня выяснилось.

– Да и то случайно, – съязвила Таня.

Варвара тяжелой рысью метнулась в кухню и отыскала файловую папку, выданную ей Викой Гориной.

...Небось Вику Горину нисколько не расстраивают ванильные сухари! Она, небось, вообще не ужинает, потому такая красивая и стройная, не то что Варвара!..

...Во сколько же самолет, и где это смотрят, черт побери все на свете! Тут одни цифры со всех сторон, какие из них означают время?! И почему билет только один? Может, обратного нет и прямо на границе ее схватят и посадят в тюрьму для нелегальных эмигрантов?!

– Переверни страницу.

– Что? Какую страницу?

– Переверни обратно. Вот эту. Сверху твое имя и фамилия. Потом такая таблица. Веди по ней пальцем. Там номер рейса, дата и время. Нашла?

– Девять двадцать, – объявила Варвара. – Спасибо, Димка.

– Плюс два часа, – пробормотал он и еще отпил из кружки. Чай согрел холодный живот и смывал песок в горле. Он даже посмотрел на чайник, боялся, что ему не хватит на вторую кружку. – Вернее, не плюс, а минус.

– Какой еще минус? – недовольно спросила Таня, которую раздражала вся затея с Варвариной заграничной поездкой.

Да еще триста долларов дали! Полтора месяца сытой жизни, если экономить.

А Васке на эти доллары можно купить все – новую куртку, джинсы, ботинки, кроссовки, электронную игрушку с кнопками, о которой он уже три месяца заговаривает, думая, что мать никак не возьмет в толк, что ему нужно, рюкзак, книжку «Гарри Поттер и философский камень» за восемьдесят рублей, розовую обезьяну, которая пылилась в универмаге и чем-то ему приглянулась, спортивный костюм, лыжи...

Таня потратила почти все Варварины доллары, когда выяснилось, что для того, чтобы улететь в девять двадцать, в Шереметьево нужно прибыть, самое позднее, в семь двадцать. Выйти из дома, соответственно, нужно часов в шесть. До шести оставалось – Таня посмотрела – восемь часов, и было совершенно непонятно, как Варвара проведет эти восемь часов.

– Я бы остался здесь, Варвара, – сказал Димка и улыбнулся виноватой улыбкой, – родители не знают, что я прилетел. Если я покажусь маме с... забинтованной головой...

– Да, – согласилась Варвара, – да уж...

Она представляла себе, что будет, если он покажется.

– Здесь нельзя оставаться, – резко сказала Таня, – ну, скотовод-то у нас человек приезжий, а ты что? Квартира, считай, открыта. Скотовод самостоятельно даже до сортира не дойдет, не то что до плиты.

– Я не скотовод, – твердо поправил ее Димка.

Таня махнула рукой.

– Какая разница!

– Тань, возьми его к себе, – попросила Варвара, – до моего приезда. То есть почти только на выходные. Я вернусь во вторник и заберу его.

– Не надо меня брать, – перепугался Димка, – я не хочу. Я не пойду. Я лучше здесь как-нибудь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.